

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Сергей Иванович Зверев

Двойной агент

Серия «Засекреченный»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170880
Сергей Зверев. Двойной агент: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16948-2*

Аннотация

Смерть не выбирает... Так считалось раньше, но теперь... благодаря новейшему биологическому оружию, смерть научилась убивать строго по назначению. Созданный в тайной лаборатории ЦРУ на Филиппинах страшный вирус поражает только людей белой расы. Потому и желающих получить новое оружие оказалось в избытке. Ведь достаточно одного удара – и власть белых в мире бесславно рухнет. Но произошло непредвиденное: смертельный вирус попал в руки террористов. Первое испытание на российской Чукотке в Анадыре уничтожило половину населения города. Кто следующий? Спецслужбы России и США поневоле объединяют усилия для предотвращения угрозы расовой войны. И вот в поединок со смертью на райском острове Минданао вступает двойной агент ФСБ по кличке Толмач...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	68
Глава 9	77
Глава 10	87
Глава 11	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Зверев

Двойной агент

Глава 1

Россия, Чукотка, Анадырь

Бывают такие места на земле, глядя на которые невозможно понять, что это – край света или начало мира. Извечная и неразрешимая загадка кольца.

Одним из таких немногих мест был город Анадырь. Место удивительное, где каждый житель, встав утром в понедельник и обратив свой взор на Восток, при ясной погоде вполне мог увидеть только что ушедшее воскресенье. До него было всего-то километров сто-двести, что по местным меркам вообще не расстояние. Одна беда, ясных дней в Анадыре бывало крайне мало – зимой метели, летом туман, приносимый юго-восточным ветром. Наверное, поэтому никто и не видел этого недавно ушедшего вчерашнего дня.

В один из таких пасмурных дней конца лета, в разгар северного завоза, в порт Анадыря прибыл сухогруз, хотя и русский, но под «дешевым» либерийским флагом. Флаг означал лишь порт приписки, регистрация где-нибудь на Кипре или в Либерии означала значительное сокращение налогового бремени да и других издержек. Офшор для моряков. К

национальной принадлежности судна и тем более команды это не имело ни малейшего отношения.

Судно стояло на рейде и ожидало своей очереди на разгрузку. Устаревший и маленький порт Анадыря обладал крайне низкой пропускной способностью, и поэтому ожидание могло растянуться на неопределенное время.

Сборная команда, состоящая из русских, поляков, двух турок, одного китайца-кока и трех арабов из Йемена, измученная тяжелым рейсом с Филиппин, рвалась на берег. Моряки в который раз проклинали долгий фрахт, которому не видно конца, и себя за то, что в него ввязались. Но капитан запретил команде сходить на берег, заверив их в скорой швартовке, а отправился туда сам, надеясь ускорить ожидание разгрузки с помощью кое-каких имеющихся у него связей в порту, а также заранее приготовленных подарков и пухлого голубого конверта с вполне понятным содержанием.

Моряки с сомнением и завистью глядели вслед скользившему по тихим водам Анадырского лимана катеру, который уносил их капитана на какую-никакую, а землю. Они, измученные долгим плаванием, с тоской взирали на город, взбегавший с косы Святого Александра на гору Верблюжку. Анадырь – городок небольшой, но там была выпивка и, самое главное для моряка, женщины, по которым они истосковались.

Где они только не были за этот долгий и тяжелый фрахт, чего они только не возили! Лес из России в Японию, из Япо-

нии – автомобили и электронику в Австралию, оттуда, загрузившись мороженой бараниной, пошли на Филиппины и вот теперь с грузом экзотических тропических фруктов пришли в Анадырь.

Моряки напрасно сомневались в своем капитане – не прошло и двух часов, как он вернулся, слегка подвыпивший, но весьма довольный. Весь его вид красноречиво говорил о том, что морской волк и на суше не оплошал.

Буквально минут через сорок, не больше, судно стояло под разгрузкой у восьмого причала, от которого только что отшвартовался голландский сухогруз «LOOTSGRACHT», привезший шесть тысяч тонн стройматериалов – город рос, и это было лишь каплей в море.

У соседнего, девятого причала разгружался частый гость Анадырского порта, сухогруз «Капитан Сергиевский», который доставил в столицу Чукотки контейнеры с продовольствием и другими товарами. Это линейное судно Дальневосточного морского пароходства за навигацию делало по пять-шесть рейсов в Анадырь.

Заскрипели старенькие краны, засновали юркие электрокары, и мало-помалу контейнеры с фруктами начали перекочевывать из трюмов сухогруза на склады и терминалы порта, но и какая-то толика, как водится, оседала в загашниках докеров, которые своего никогда не упустили. Сегодня им представилась возможность побаловать своих детишек, у кого они были, а у кого не было, подружек, заморскими фрук-

тами.

Разгрузка затянулась допоздна. После работы часть бригады докеров, те, кто особо «устал», решили «принять» с этого самого «ушатку». «Поляну» накрыли в подсобке, на воздухе оно, конечно, лучше, но вечером от гнуса, называемого здесь мошкой, не было никакого спасения. Выпили крепко, как полагается, закусывая тем, что разгружали. Поговорили, посмеялись, поспорили, обсуждая вкус некоторых впервые дегустируемых фруктов, и стали расходиться кто куда.

Один из выпивавших, здоровенный русский парень, вскинув на плечо увесистую сумку, направился в сторону, противоположную его дому. По его глазам было видно, что ему мало, и душа здоровяка настоятельно требовала продолжения банкета, что он и сделал, насколько хватало его фантазии и возможностей, зайдя в припортовую забегаловку. Возможно, ему хотелось бы куда-то в более приятное место, ресторан отеля «Чукотка», например, но на это нужны деньги, которых у парня не было, а здесь, в портовой забегаловке, ему всегда нальют и в долг, да и фруктами можно расплатиться.

Так и случилось. Войдя в грязный зал кабачка, насквозь пропахший копченой рыбой и прокисшим пивом, он достал большой ананас и молча положил его на стойку перед знакомой барменшей. Та так же молча окинула его понимающим взглядом и поставила перед ним полстакана неразбавленного спирта. Когда он выпил, она коротко спросила:

– Еще есть?

– На сегодня хватит, – ответил, улыбаясь, парень и указал на пухлую сумку.

Другой докер, более щуплый и пожилой, отправился напрямик домой, идти ему предстояло далеко, жил он возле самой ТЭЦ, но, по счастливой случайности, ему подвернулся знакомый на «уазике», согласившийся подвезти его, тем более что им было почти по пути.

Знакомый подвез его до самой четырехэтажки, и в благодарность за услугу докер со словами: «Нако, Вася, пацанов побалуешь», – протянул ему два крупных ананаса.

На ощупь поднявшись по знакомой лестнице, света в подъезде отродясь не было, докер постучал в дверь своей квартиры.

Открывшая жена, учуяв запах спиртного, заворчала на мужа, но больше для порядка, чтоб не забывал хозяйскую руку, претензий особых у нее к нему не было, сам ведь пришел, не привели, да к тому ж с гостинцами.

Заглянув в принесенную мужем сумку, она уже мирно спросила:

– Поэтому так долго? – имея в виду его поздний приход.

– Ну, – подтвердил докер, снимая сапоги.

«Надо будет Петровну угостить», – подумала жена, унося сумку.

Так не оприходованные еще фрукты начали расплзаться по городу.

Глава 2

Филиппины, остров Минданао, окрестности города Котабаты

Филиппинские острова, протянувшиеся с севера на юг по Тихому океану почти на две тысячи километров, от Тайваня до самого Борнео, в своей палитре имели три основных цвета – глубокий зеленый, голубой и светло-желтый, разделявший два предыдущих. Зелеными были сами острова, покрытые густой растительностью, голубыми небо и вода, а светло-желтыми, порой белыми – бесконечные песчаные пляжи.

Это одно из немногих мест на земле, где понимаешь, что волшебное слово «экзотика» еще не утратило своего первоначального значения. Но как это ни банально звучит, за красоту нужно платить. Дело в том, что Филиппинские острова сплошь вулканического происхождения, они представляют собой цепочку вершин подводных гор, обрамляющих западный фас Филиппинского глубоководного желоба (один из самых глубоких в мире – 10 497 м), к тому же находящиеся в так называемой «зоне тайфунов». Вследствие этих причин тайфуны, землетрясения, вулканические извержения, наводнения, оползни и прочие природные катаклизмы происходят здесь практически постоянно.

Среди семи с лишним тысяч островов Филиппин только немногие имеют более или менее значительную площадь, по-

давливающая часть из-за своей малости не имеют не только населения, но даже и названия.

Остров Минданао, самый южный из островов архипелага и второй по величине после Лусона, имел и население, и название, и даже самую высокую гору архипелага – действующий вулкан Апо.

И вот из-за этого населения туроператоры всего мира настоятельно отговаривали своих клиентов от посещения Минданао. На острове имелось множество сепаратистски настроенных вооруженных группировок, крупнейшей из которых был так называемый Исламский фронт освобождения Моро (MILF), боровшийся, вопреки мирному соглашению 1996 года, за автономию, в средствах и способах не стеснявшийся. Но кроме MILF, на Минданао имелось еще множество вооруженных группировок различного политического толка, а зачастую и просто бандитских, но прикрывающихся какими-либо религиозными или националистическими лозунгами.

Исторически так сложилось, что население Филиппин в основном исповедовало христианство, и лишь очень небольшая часть (около 5%) мусульманство, причем большая часть мусульманского населения и была сосредоточена на острове Минданао.

Всегда найдутся определенные политические силы, которым выгодно разжигание любой розни и использование возникшего конфликта в своих корыстных целях. Были подоб-

ные группировки и на Минданао, поэтому религиозные и этнические конфликты, а также стычки правительственных войск с исламскими террористами происходили и происходят на острове довольно часто.

* * *

Волна упорно выталкивала на песчаный пляж какую-то корягу, в злобе пенилась, отбегала и снова набрасывалась на почти черный кусок дерева, толкая его на сушу, откуда он, собственно, и пришел. Бедная деревяшка цеплялась за дно и упорно не хотела возвращаться домой, но волна снова и снова толкала ее на белоснежный песок узкой полоски пляжа. Эта черная, казавшаяся какой-то грязной коряга абсолютно не гармонировала с кристально чистой голубовато-изумрудной водой, но и на чистом белоснежном пляже, от белизны которого слепило глаза, она тоже выглядела бы неестественно.

Точно так же, как эта несчастная коряга, не вписывался в окружающий пейзаж высокий бетонный забор с колючей проволокой наверху, с камерами видеомониторинга, с запретительными табличками, окружавшими одноэтажное, но довольно высокое прямоугольное здание с плоской крышей и огромными тонированными окнами, зашторенными плотными стальными жалюзи.

Это здание располагалось между городом Котабаты – сто-

лицей провинции Центральный Минданао – и городком Биту. Полтора десятка километров отделяло его от побережья, где упорная волна океанского прибоя безуспешно толкала черную коряжину на белоснежный пляж.

Вокруг забора, окружавшего здание, расстились джунгли, а дальше – ананасовые плантации. Дорога к тщательно охраняемой территории была одна, с севера подъезд ограничивала река Минданао, а с юга и юго-запада – практически непроходимые болота. Воздух был влажен и насыщен невероятным количеством насекомых.

С эстетической точки зрения, место малопривлекательное, и почему здание располагается именно здесь, известно теперь, наверное, лишь японским военным, которые его и построили в 1942 году, после того как вошли на Филиппины. А может быть, даже американцам, к которым оно перешло двумя годами позже и в чьей собственности находилось и по сей день.

Если ехать по извилистой дороге, ведущей к территории здания, то въездные ворота появлялись неожиданно, как бы вырастая из джунглей, но со сторожевых вышек, на которых круглосуточно дежурили спецназовцы, дорога просматривалась почти на километр даже ночью.

На воротах, рядом со знаком биологической опасности, висела облезлая табличка с надписью «Н-2-8», наверное, из-за нее этот институт, а это был сверхсекретный институт микробиологии, подведомственный Пентагону, так и назы-

вали – «Эйч-ту-эйч».

Правительственных чиновников в Маниле, равно как и в Котабато, мало интересовало, чем, собственно, занимается «Эйч-ту-эйч», им было вполне достаточно того, что в бюджет страны дядя Сэм ежегодно переводит кругленькую сумму за аренду. К тому же спецназовцы, когда в этом возникала необходимость, оказывали посильную помощь в наведении порядка на прилегающей территории.

Архитектура здания, как и место его расположения, оставляла желать лучшего, это был просто серый параллелепипед без каких-либо затей. Но внутренняя планировка здания разительно отличалась от его внешней простоты. Здание имело три как бы вложенных друг в друга сектора – А, В и С, а также находящийся в торце, противоположном центральному входу, крошечный сектор D – что-то вроде склада готовой продукции, если такое возможно в исследовательском институте.

Все сектора отличались степенью секретности, степенью биологической защиты и разными гигиеническими требованиями.

В первый сектор С имели доступ все сотрудники института, и попасть в него можно было с центрального входа, приняв обычный душ и надев белый костюм и тапочки. Здесь находились кабинеты теоретиков, информационный компьютерный центр, комнаты отдыха, помещение охраны, столовая и различные подсобные помещения.

В секторе В находились научные лаборатории, здесь автоматикой поддерживался определенный микроклимат, а исправность ее контролировал специальный человек. Вентиляция в этом секторе была устроена по замкнутому контуру, внутрь не попадал и наружу не выходил воздух, не прошедший специальной обработки, от этого в секторе держался своеобразный запах, к которому, впрочем, быстро привыкаешь. В этот сектор так же, как и в сектор С, входить имели право почти все служащие, лишь за редким исключением.

Вообще в сектор В было проще попасть, чем из него выйти. Войти в него можно было из С, лишь сунув в электронный замок индивидуальную карточку и набрав личный код, а вот на выходе, который, кстати говоря, был совершенно в другом месте, сотрудник должен был раздеться догола, бросить костюм в утилизатор и пройти довольно неприятный курс дезинфекции. И только после этого можно было вновь попасть в сектор С.

Сектор А – только для избранных – владения доктора Мицудо Асакино, но надо сказать, никто туда, кроме него самого и еще нескольких сотрудников, одержимых наукой, попасть и не стремился. Вход в сектор был сложен и долог: карточка, личный код, отпечаток большого пальца правой руки. Только после этого медленно открывалась первая дверь – тяжелая, металлическая, метровой толщины, со знаком не только биологической опасности, но и радиационной. Сотрудники входили в небольшое помещение, где их ждали

темно-синие скафандры с кабелем подвода воздуха, первая дверь закрывалась, и только после этого открывалась вторая дверь, которая являлась входом сектора. Уже внутри сектора сотрудники подключали воздушные кабели своих скафандров к свисающим с потолка штуцерам. Выход осуществлялся через эти же двери, но в обратной последовательности.

Если при выходе из сектора В сотрудники подвергались неприятному физическому воздействию – дезинфекции, то при входе и выходе из сектора А еще более неприятному психологическому, некоторые, особенно подверженные клаустрофобии, так и не могли к этому привыкнуть. Вроде бы ничего особенного, но так кажется, пока сам не попробуешь пройти через эти «адовы врата». Один зуммер и мигающая красная лампочка, которые работают, пока открыта хотя бы одна дверь, чего стоят, да еще закрывающаяся метровая металлическая дверь – мурашки по спине, такое чувство, будто тебя хоронят заживо в сейфе.

Но все это обычные меры предосторожности, а вот что отличало этот институт от других ему подобных, так это приказ начальнику охраны на уничтожение здания в случаях, подробно описанных в дополнении к контракту, который подписывался при приеме здания и прилегающей территории под охрану.

Знали об этом дополнении только трое: доктор Мицута Асакино – научный руководитель проекта, майор Джон Свенсон – начальник охраны и генерал из Пентагона Ричард

Кларк, курирующий институт.

Всех сотрудников генерал подбирал лично, включая и охрану, состоявшую из роты спецназа. И что сразу бросалось в глаза, рота была укомплектована исключительно афроамериканцами. Так теперь стали называть негров, считая слова «негр», «черный», «чернокожий» оскорбительными, хотя белых по-прежнему называли белыми, а не евроамериканцами. Сам генерал Кларк был также чернокожим.

* * *

Доктор Асакино – щуплый, но очень подвижный и темпераментный старичок, – только что закончивший работу в лаборатории сектора А, торопливо семеня короткими ножками, почти бегом направлялся в свой кабинет: ему не терпелось поскорее обработать результаты последнего опыта, которые обещали быть довольно интересными.

Навстречу ему по коридору шагал высокий широкоплечий парень, в руках он нес большой пластиковый контейнер.

– Добрый день, доктор Асакино, – проговорил парень, когда поравнялся с ученым, немного отодвигаясь к стене, уступая дорогу.

– Да, да... спасибо... – рассеянно сказал Мицута, занятый своими мыслями.

Парень с контейнером улыбнулся ответу и продолжил свой путь – в институте все давно привыкли к рассеянности

и чудаковатости старого японца.

Но старик, пройдя несколько шагов, вдруг остановился как вкопанный и, круто повернувшись, почти крикнул вслед уходящему парню:

– Альберт?!

Альберт, так звали парня, остановился и, поставив контейнер на пол, вопросительно уставился на ученого.

– Вы подготовились к поездке? Материал надежно упакован? Кто вас будет сопровождать? Один – ни в коем случае! – зачастил профессор, глядя на собеседника поверх очков.

Альберт медлил с ответом, соображая, на какой из вопросов следует отвечать в первую очередь.

– Да, профессор, – наконец начал он, – все готово. Материалы вот... – И он указал на пластиковый контейнер. – Со мной едут лейтенант Гаррисон и сержант Смит, вы же сами согласовали их кандидатуры с майором Свенсоном.

– Да, да... – опять пробормотал доктор Асакино, скорее всего он уже и забыл об этом согласовании. Все, что не касалось напрямую науки, в голове у него долго не задерживалось. – ...А документация? Сыворотка?

– Документация у меня дома, в сейфе, – спокойно ответил Альберт, – а материал и сыворотка вот... – И он опять указал на контейнер.

– Ну, что ж, тогда... – Профессор задумался. – Счастливого пути вам, Альберт!

– Спасибо, профессор!

Альберт Гольдберг был научным сотрудником института, ему предстояла командировка в Вашингтон. Он должен был передать лично в руки генерала Кларка материалы и документацию по последней законченной теме. Таков был раз и навсегда заведенный порядок – всю информацию сразу же по закрытии очередной темы доставлял один из сотрудников института в Вашингтон лично генералу, и никому другому.

* * *

Боб Холанд, в шутку прозванный Крохой из-за своих габаритов, которыми он выделялся даже среди рослых спецназовцев, стоял на северной вышке и скучающим взглядом обозревал простирившиеся перед ним бесконечные джунгли.

Его немного мутило, настроение было паскудным. Несмотря на свой рост и отменное здоровье, алкоголь он переносил плохо, а вчера они с ребятами хватили явно лишнего.

Жара, высокая влажность и несметное количество насекомых – рядом были болота – не способствовали скорому выздоровлению после вчерашних возлияний. Боб считал минуты, с нетерпением ожидая смену.

Вдруг ему показалось, что кусты как-то неестественно зашевелились. Он всмотрелся внимательнее, поднеся к глазам бинокль.

«Да нет там ничего, – подумал Боб, опуская бинокль, – да и кому там....»

Но эту мысль он не успел додумать до конца. В правом виске у него, прямо под краем каски, появилась небольшая дырочка, вокруг которой даже крови не было, кровь и мозги брызнули слева. Звуча выстрела тоже слышно не было. Боб умер абсолютно беззвучно – ни крика, ни стопа, только выпавший из рук бинокль слабо звякнул об «М-16».

Глава 3

Россия, Чукотка, Анадырь

Старое трехэтажное здание больницы, построенное в виде буквы «П», было видно издалека. Первый этаж занимала просторная поликлиника, второй и третий – стационар. Инфекционное отделение имело собственное отдельное одноэтажное здание с шестью палатами разной вместимости, как правило, пустовавшими. Теперь же отделение было переполнено, а больные все прибывали и прибывали – мужчины, женщины, дети.

Заведующий отделением Виктор Павлович Вдовин не выходил из отделения уже пятые сутки, если не считать частых «пятиминуток»: так здесь назывались совещания основных специалистов у главврача. Само название «пятиминутка» ни в коей мере не отражало реальной продолжительности совещаний, оно вообще к продолжительности не имело отношения. Вот и сейчас он только что вернулся с очередной «пятиминутки», растянувшейся на добрых полтора часа и в конце концов превратившейся в открытую ругань с главврачом Петрушевским. Виктор Павлович сидел у себя в кабинете, нервно курил и никак не мог успокоиться. Койки в отделении освобождались лишь одним способом, когда скончавшегося больного перевозили в морг, который тоже был забит под завязку.

Вдовин уже не первый день требовал от Петрушевского связаться с Москвой, сообщить о неожиданно начавшейся эпидемии, попросить помощи, но главврач и шага не мог ступить без одобрения городского начальства. Начальство же заняло, как это теперь стало принято после «укрепления вертикали власти», выжидательную позицию, авось все само собой образуется. Оно не желало беспокоить неприятными новостями верховное руководство, надеясь обойтись собственными силами, а уж потом отрапортовать. Даже была дана установка слово «эпидемия» не применять к данному заболеванию.

«Идиоты!» – с досадой думал Виктор Павлович, наливая себе в мензурку ровно пятьдесят граммов спирта, это количество он мог отмерить с точностью до грамма в любой посуде – многолетняя тренировка.

«Неужели это так трудно понять, что мы столкнулись с неизвестной, страшной болезнью, количество заболевших нарастает как снежный ком, почти точно в геометрической прогрессии, а средств борьбы никаких нет. Невозможно даже определить, что это за болезнь и откуда она пришла. Если так дальше пойдет, то к концу месяца город просто вымрет. Пять дней от момента заболевания до летального исхода, а других не было и не предвидится, максимум пять дней. Как это ни странно, дольше всех сопротивляются старики и дети. Чем здоровее, чем сильнее организм, тем агрессивнее и беспощаднее ведет себя болезнь. Но в этом же нет никакой ло-

гики! Ну почему же нет? А если...» На этом месте его мысли оборвала вошедшая медсестра.

– Виктор Павлович, еще один... мальчик... двенадцать лет. Вы идете? – сказала она.

– Да-да, сейчас, – ответил Вдовин, встав и по привычке надевая марлевую повязку, но, подумав, зло бросил ее на кушетку, он давно уже понял, что заболевание не передается воздушно-капельным путем.

В приемном покое на носилках лежал мальчик. Вдовин узнал его сразу, это был его сосед по подъезду. Рядом на лавочке сидела мать и, уткнувшись в скомканный в ладонях платок, беззвучно плакала.

– Вера. – Вдовин тронул ее за плечо.

Женщина с трудом подняла к нему заплаканное лицо и сквозь всхлипы прошептала:

– Вот, Витя... вот...

– Вера, температура когда поднялась?

Женщина смотрела на него непонимающими глазами и молчала: сквозь свое горе вопроса врача она не слышала.

Вдовин знал, что это ее поздний ребенок, с трудом ей доставшийся, единственный и последний, после его рождения она больше не могла иметь детей, ее тогда еле-еле отходили.

– Вера, Вера, – тормозил ее Виктор Павлович, – когда он заболел?

– Позавчера, Витенька... позавчера.

«Значит, не считая сегодняшнего, еще два дня», – сосчи-

тал врач.

– Витенька, сделай что-нибудь. Очень тебя прошу! Пожа-луйста, Витенька, – причитала женщина.

– Сделаем, Вера, сделаем, – пряча глаза, говорил доктор, уж он-то лучше других знал, что ничего они сделать не в состоянии и что жить осталось Петьке не больше двух дней.

– Анализы – и в третью палату его, я туда подойду, – распорядился врач.

– Витя! – Вскочила женщина, когда увидела, что ее сына увозят. – Петя!

Она не знала, куда кинуться, то ли вслед за носилками с сыном, то ли к доктору.

– Витя, может, в Москву, самолетом, а? Я заплачу, Витя, ты ведь знаешь, деньги у нас есть. Я заплачу, сколько надо... Вить, а?

– Не надо, Вера, не надо... – отводя ее руки от себя, говорил Виктор Павлович. – О, да ты сама-то горячая! Рая, измерь ей температуру, – сказал он, обращаясь к медсестре.

Он провел не перестающую рыдать женщину в процедурную, уложил на кушетку.

– Ну-ка, Вера, попробуй достать подбородком грудную клетку, – попросил он.

Вера потянула голову, пытаясь выполнить просьбу врача, но произвольно поднесла руку к виску, поморщилась.

– Что, голова болит? – спросил Виктор Павлович, наблюдая за действиями женщины.

– Очень...

«Все ясно, температура, головная боль, ригидность затылочных мышц, боль в пояснице...»

– Вера, спина болит?

– Немного.

– Покажи язык.... Мочилась давно?

– Да...

– Кровотечения из носа, из влагалища были?

– Так я думала – месячные... просто раньше, а носом нет...

Витя, ну с Петей-то что?

«Язык обложен, анурия, сосуды склер инъецированы... все симптомы налицо...» – думал Вдовин.

– Рая, ее в четвертую... Но сначала пункцию...

Виктор Павлович заранее знал, каким будет результат анализа спинно-мозговой жидкости, но пункцию он обязан был сделать, как и бороться за их жизни до конца.

Симптоматика этого заболевания была довольно разнообразна, она сочетала в себе признаки нескольких болезней, таких как энцефалит, грипп, и все это с ярко выраженным геморрагическим синдромом, что поначалу и сбило врачей с толку.

Виктор Павлович сам первому заболевшему поставил диагноз геморрагическая лихорадка, но снял его буквально через несколько часов, пронаблюдав динамику болезни. Болезнь развивалась стремительно, ни с чем подобным он раньше не сталкивался. Инкубационный период они отследить не

могли, но, по всей вероятности, его либо не было вообще, либо он был достаточно мал. Резкое повышение температуры, головная боль, боль в пояснице, анурия, тяжелое поражение почек с острой почечной недостаточностью – и все это с геморрагическими явлениями и менингеальными симптомами. На следующий день, как правило, температура падала, наступало кратковременное улучшение самочувствия. Но это было началом конца, головная боль резко усиливалась, становясь нестерпимой, сознание затемнялось, бред, кома, смерть. Вскрытие ничего не проясняло.

Пока он занимался с Верой, привезли еще двоих: старуху лет восьмидесяти и молодого мужчину. Виктор Павлович осмотрел их, распределил по палатам и отправился к себе в кабинет, твердо решив выполнить обещание, которым он на «пятиминутке» пригрозил главврачу, крикнув тогда:

– Если ты сейчас же не свяжешься с Москвой, то вечером я сам позвоню, и не только в Москву! Девидсону позвоню, в Сиэтл! Будь уверен, я это сделаю! – И вышел, хлопнув дверью. Тогда он еще и сам не был уверен в том, что это сделает, но теперь...

«А что мне, собственно, мешает? Я-то чего боюсь? Я-то не чиновник, у меня-то кресла нет.... А вдруг это поможет!» – думал Виктор Павлович, поднимая трубку телефона и садясь за стол.

Но в Москву из своего кабинета он позвонить не смог – видно, восприняв его угрозу всерьез, главврач заблокировал

выход на межгород.

От злости у Вдовина аж в глазах потемнело.

«Ну, ладно, ублюдки. Вот теперь-то я раззвоню во все колокола, мало не покажется», – думал он про себя, набирая городской пятизначный номер.

– Володя? Привет! Хорошо, что ты дома. Слушай, у тебя сканер работает? Отлично! Так я подъеду через полчаса?.. Володь, не вопрос, все будет... Ладно, пока, еду.

Минут через сорок Виктор Павлович был уже в квартире своего друга с толстой пачкой историй болезней и большой бутылкой водки.

Они сели, выпили по рюмочке, и Вдовин все рассказал другу.

– Ни хрена себе! Слушай, Витек, неужели это так все серьезно?

– Серьезней не бывает, Вова!

– Но почему же тогда не объявят карантин, или что там еще?..

– О, господи! А ты не понимаешь? О чем я тебе сейчас толковал? Мы даже эпидемию гриппа не можем назвать эпидемией без согласования с... – и Виктор Павлович зло махнул рукой куда-то в потолок.

– Да-а-а! Дела! – сказал Владимир, наливая по второй. – Ладно, давай по второй и займемся делом. Тебе помочь, наверное, надо? – пододвинул рюмку Владимир, косясь на кипу документов, которые принес с собой его друг.

Выпили, закусили копченой корюшкой и приступили к делу.

– Так, давай, ты вот это все сканируй, – Виктор указал глазами на пачки историй болезней, – а я пока составлю текст писем.

– Что, все вот это сканировать?! – удивился Владимир.

– Нет, сейчас я тебе покажу. – Врач взял одну из папок и показал: – Вот... Вот и... вот здесь.

– Понял! Ладно.

Виктор Павлович решил действительно бить во все колокола, не опасаясь выглядеть смешным: он лучше других осознавал всю опасность создавшейся ситуации. Вопрос стоял – жизнь или смерть, ни больше ни меньше.

Он решил написать в министерство, в администрацию Президента и Полу Девидсону – своему давнему другу, тоже врачу. Тот занимал какой-то пост в одной из комиссий ООН, и он уж разберется, как поступить с этой информацией, а возможно, даже что-то посоветует, вдруг ему известно о схожих инцидентах?

Во всяком случае, на Пола Виктор Павлович возлагал гораздо большие надежды, нежели на родное министерство и администрацию Президента иже с ним. В административных органах Виктор Павлович в последние годы совершенно разуверился.

Когда Володя закончил сканировать документы, письма уже были готовы, Виктор Павлович еще раз проверил текст

письма в Сиэтл: в английском он был не особенно силен, а русского Пол не знал, вернее, почти не знал. При встречах они общались на дикой англо-русско-латинской смеси и прекрасно понимали друг друга.

Наконец все было готово, и Виктор нажал на клавишу почтовой программы «Отправить». Скорость, правда, оставляла желать много-много лучшего, и они за это время успели выпить еще по рюмочке, затем Виктор Павлович собрал документы и, поблагодарив друга, отправился в свое инфекционное отделение бессильно наблюдать, как один за другим умирают его больные.

* * *

В инфекционном отделении не осталось ни одной свободной койки, были заняты даже все дополнительные. Больные лежали везде: в коридоре, подсобку приспособили под палату, заняли еще два служебных помещения, и все равно мест не хватало. Больные прибывали быстрее, чем умирали. Вдовин понимал, что положение катастрофическое, но реакции на его письма не было, ответил только Девидсон, выяснял подробности, просил результаты анализов. Вдовину было стыдно признаться американскому коллеге, но даже этих элементарных анализов они сделать не могли по известным причинам – отсутствие оборудования. После долгой ругани и взаимных угроз главврач все же согласился выделить часть пер-

вого этажа поликлиники, имевшую отдельный вход, под временное размещение инфекционных больных.

Местные власти наконец-то зашевелились, но только после того, как в больницу попал сын одного из высокопоставленных городских чиновников. На властей предержавших вдруг нашло прозрение, они поняли, что живут на той же земле, что и простые смертные. А загадочная и зловещая болезнь в чинах и партийной принадлежности не разбирается. В местном бюджете неожиданно нашлись деньги, небольшие, правда, но все же, на медикаменты и кое-какое оборудование. Но все это положение не спасало и даже не улучшало. Вдовина по-прежнему не слышали, карантин в городе так и не был объявлен, самолеты продолжали взлетать и садиться, суда – приходить и уходить из порта.

Все изменилось однажды поздно вечером, когда уставший, невыспавшийся Вдовин вместе со своим коллегой Николаем Николаевичем Осеткиным сидели в кабинете и в ожидании закипающего чайника принимали свои законные «пятьдесят» – без этого допинга они бы давно свалились с ног. Николай Николаевич был прекрасным врачом, якутом по национальности и добрейшей души человеком, для врача, как считал Вдовин, излишне чувствительным.

– Знаешь, Витя, не дает мне покоя, однако, одна особенность этой болезни, – тихо проговорил Николай, когда дожевал бутерброд.

Он всегда говорил тихо и медленно, как бы с трудом под-

бирая слова, за многие годы совместной работы Виктор Павлович не помнил случая, чтобы Николай Николаевич кричал на кого-нибудь; сам-то Виктор, что говорить, частенько грешил этим.

– О чем это ты?

– А о том, Витя, что среди больных только русские.

– Ты, наверное, хотел сказать – белые, европеиды, – уточнил Виктор Павлович.

– Ну, да, именно это я и хотел сказать.

– Я тоже обратил на это внимание, но, возможно, это просто случайность.

– Э-э-э, Витя, ты сам ведь в это не веришь. Слишком большая выборка, как сказал бы специалист по статистике, – усмехнулся Николай, глядя на коллегу своими узкими умными глазами.

– Ну и?

– Не знаю. Только если это так, то возбудитель каким-то образом отличает расу одну от другой. На мой взгляд, это фантастика.

– Ну, почему? Ведь у каждой расы наверняка есть свои генетические особенности и если...

Разговор их прервал громкий стук в дверь, не успел никто из врачей сказать «да», как дверь распахнулась, и высокий человек в темном костюме, из-за спины которого торчала голова насмерть перепуганного главврача, произнес низким голосом:

– Могу я поговорить с доктором Вдовиным?

– Говорите, – повернулся к нему Виктор Павлович, не вставая – напористость вошедшего не понравилась врачу. – Только хорошо бы халат надеть, все-таки больница, к тому же инфекционное отделение. Не боитесь?

– Нет, Виктор Павлович, не боюсь, – с полуулыбкой ответил высокий. – Извините за бесцеремонность, но на реверансы времени нет. Нам необходимо переговорить. Где мы можем это сделать?

– Насколько я понял, вы уже это делаете, хотя даже не представились, – недовольным тоном ответил Вдовин, не обращая внимания на отчаянные, предостерегающие жесты Петрушевского.

– Извините, еще раз, – пробасил высокий и протянул доктору удостоверение.

– Ну, вот, а говорите, нет времени на реверансы, Константин Геннадьевич, – сказал Виктор Павлович, когда изучил удостоверение.

Вдовин вел себя смело и независимо, но когда он прочитал название организации, к которой принадлежал нежданный гость, по спине у него все же пробежал холодок.

«Нормальная нервная реакция человека, большую часть жизни прожившего в Советском Союзе», – горько усмехнулся про себя Виктор Павлович.

– И что же вы от меня хотите? Арестовать? – глядя в упор на представителя спецслужб, произнес Вдовин.

– Виктор Павлович, я прекрасно понимаю, что вы устали и от работы, и от битья головой об стену, – гость сделал движение головой назад, указывая на Петрушевского, как на представителя могучего и непробиваемого клана славной российской бюрократии, – но не стоит становиться в позу обиженного. Я – врач и приехал, чтобы разобраться в создавшейся проблеме. И если мы не найдем общего языка, то это вряд ли поможет делу, то есть вашим больным.

– Хорошо, хорошо. Я действительно очень устал, раздражен и поэтому... – уже мягче произнес Вдовин, ему понравился жест Константина Геннадьевича, которым он как бы оценил работу местного руководства, и это растопило лед, хотя врач был все еще настороже. – Прошу вас, садитесь.

– Чай? Кофе? Спирт? – предложил Вдовин, когда гость присел к столу. – Или на службе вы...

– Хотелось бы, конечно, спирта, но давайте начнем с кофе, пожалуй, – улыбнулся Константин Геннадьевич, улыбка у него оказалась широкой, доброй, располагающей.

Когда налили кофе, Константин Геннадьевич попросил Вдовина рассказать все, что ему известно о заболевании, когда были зафиксированы первые случаи, каковы симптомы, течение болезни, в общем, все, включая впечатления.

Вдовин начал свой рассказ. Гость слушал внимательно, переспрашивал, вникал в детали. Виктор Павлович за время разговора, а продолжался он не менее часа, уяснил для себя, что Константин, к концу разговора они уже были на

«ты», действительно врач и, наверное, неплохой. И слушать он умел, а теперь это большая редкость.

Особенно заинтересовало гостя предположение врачей, что болезнь поражает только представителей европейской расы.

– Так, значит, среди заболевших ни одного якута, чукчи, татарина?

Оба присутствующих врача отрицательно покачали головами.

– А каков в процентном соотношении состав городского населения? – вновь задал вопрос Константин.

– Ну, точно-то мы не можем сказать, это считать нужно. Возможно, в загсе знают. Но так, навскидку, пятьдесят на пятьдесят, хотя русских все же, возможно, больше.

– Ладно, разберемся, – проговорил Константин Геннадьевич, вставая. – Спасибо за кофе.

– А как же спирт? – Вдовин показал глазами на стол.

– Еще раз спасибо, но это в следующий раз. Я думаю, у нас еще будет время.

Глава 4

Филиппины, остров Минданао, окрестности города Котабаты

– Джо, лейтенант Морис, по-моему, возвращается, открывай ворота, – сообщил по рации дежурному Чак Балкер, он стоял на вышке, и ему была хорошо видна подъездная дорога.

– Что-то они рано сегодня, – зевая, отозвался Джо, выходя из своей будки рядом с воротами.

– Да, даже не развлеклись. Ну, все, конец связи, – согласился с ним Чак и выключил рацию.

Институтский грузовик довольно часто ходил в Котабаты, возобновляя кое-какие припасы, но обычно он не спешил возвращаться, для парней это было хоть какое-то развлечение, и обычно его ждали к вечеру. Но сегодня ребята возвращались почему-то довольно рано.

Джо открывать ворота не спешил, он решил соблюсти все формальности, а заодно и подготовил в уме пару ехидных замечаний по поводу столь раннего возвращения парней из города.

Он встал перед воротами и, когда автомобиль наконец показался из-за поворота, предостерегающе поднял руку, изобразив на лице крайнюю степень серьезности.

Грузовик подъехал уже совсем близко и начал приторма-

живать. Джо взгляделся в лобовое стекло, ожидая увидеть черное с вечной ехидной усмешкой лицо лейтенанта Морриса, но вместо этого на него раскосыми глазами смотрела круглая желтая физиономия.

«А косоглазый там откуда?» – успел подумать Джо, и рука его потянулась к рации.

В это время водитель грузовика вдавил педаль газа в пол и впечатал Джо в ворота, снося их вместе с ним. Автомобиль ворвался в институтский двор, а из его тентованного кузова посыпались вооруженные до зубов китайцы, на ходу передергивая затворы «АКМов».

Удар мощного бампера грузовика пришелся Джо в бедро и раздробил кость. Солдат, корчась от боли и отчаянно матерясь, пытался дотянуться до отброшенной в сторону «М-16», но подбежавший молодой китаец не дал ему это сделать, припечатав автоматной очередью к земле. Китаец бросился дальше, не обращая больше внимания на еще держащееся в агонии тело Джо, лежащее в быстро увеличивающейся луже черной крови.

Во дворе института уже разгорелся бой. Первым делом нападавшие сделали несколько выстрелов из РПГ по караулке, где находилась большая часть охраны, уцелели немногие, но выжившие моментально заняли оборону. Силы были неравны, но отлично подготовленные морпехи все же пытались удержать оборону, постепенно отходя к зданию института.

К воротам подкатило еще несколько автомобилей с бандитами. Один из джипов проехал прямо по ногам Джо, благо солдат уже ничего не мог чувствовать, и поехал дальше, направляясь к складу, оставляя за собой кровавый след шин на светлом асфальте.

В конечном итоге китайцы взяли здание с остатками охраны в кольцо, и исход схватки был предрешен.

У разрушенного здания караульного помещения лежал смертельно раненный майор Свенсон. Взрывом ему перебило обе ноги и осколком разорвало живот, двигаться он не мог, но с этого места ему было отлично видно течение боя. Он видел, как из здания института выбегали сотрудники, но нападавшие в них не стреляли, сосредоточившись на солдатах. А морпехи, отступая, вошли в здание, бой шел внутри, в секторах. Он видел, как одна из машин направилась к складу, где двое бандитов уже вскрывали ворота, охрана склада была, вероятно, перебита.

«О господи! Пора!» – с этой мыслью майор, зажимая одной рукой рану на животе, другой достал дистанционный пульт управления и непослушными пальцами пытался набрать код, без введения которого пульт не сработает и уничтожение здания будет невозможно.

Майор боялся только одного, что не успеет выполнить приказ и умрет раньше. Пальцы не слушались, рука дрожала, цифрыплыли в глазах, два раза он уже ошибся, если ошибется и в этот раз, пульт автоматически заблокируется, это

была мера предосторожности.

Пока Свенсон сражался с пультом, бой стал затихать, выстрелы раздавались все реже и реже, а по территории рыскали бандиты, осматривая трупы: они явно кого-то искали.

Наконец он набрал правильный код, и осталось только ткнуть пальцем в красную кнопку Enter, и здание взлетит на воздух. Майор медлил, он задумался о тех, кто остался внутри.

«Я предстану перед Всевышним буквально через считанные минуты в роли убийцы! Но я выполняю приказ, я должен это сделать! Это оправдание для людей, но будет ли это оправданием там?» – думал майор, держа дрожащую, непослушную руку над пультом.

Бандиты, осматривающие убитых, направились в сторону майора, но он их не видел. Один из них заметил майора и, увидев пульт в его руках, крикнул что-то другому и со всех ног бросился к Свенсону, а подбежав, ударил ногой по пульту. Маленькая коробочка взлетела в воздух и, переворачиваясь, упала на развалины караульного помещения. Красная кнопка с надписью «Enter» ударилась об осколок камня. Раздался оглушительный хлопок, земля острова Минданао, привыкшая к различного рода катаклизмам, содрогнулась. Когда постепенно пыль и дым от взрыва рассеялись, здания больше не было. Многие килограммы пластида, расчетливо заложенные внутри него, сделали свое дело.

Майор Свенсон к этому времени был уже мертв, его мо-

ральная проблема получила неожиданное разрешение: он не стал массовым убийцей, так и не успев нажать на кнопку, в крайнем случае только соучастником. Хотя, как знать, по всей вероятности, там нет суда присяжных.

Оставшиеся в живых китайцы толпились возле разрушенных ворот, высокий парень с бритой головой, по-видимому старший, отдавал низким с хрипотцой голосом приказы:

– Чанг, трупы наших в машину, раненых соберите! Енот, осмотри со своим склад и остатки лабораторий.

– Да что там осматривать, Змей, все же разнесло в клочья, – попытался возразить низкорослый китаец, которого назвали Енотом.

Змей зло посмотрел на него, и тот ответил:

– Ладно-ладно, я понял.

– А с этими что делать? – спросил у Змея Чанг, указывая на группу сотрудников института, испуганно жавшихся к забору, многие из них были ранены, некоторые серьезно.

– Не знаю, Черная приедет, пусть она решает. Присматривайте за ними пока, – ответил Змей и потянулся в карман за сигаретами.

Черная Ли не заставила себя долго ждать, она влетела на территорию теперь уже разрушенного института на потрепанном «Ренглере» без верха. Лихо остановившись с полуразворотом, выскочила из машины.

Высокая, неожиданно длинноногая для китайки, в коротких шортах и узенькой черной майке, почти не скрывав-

шей ее роскошной груди, она могла бы украсить собой любую из номеров «Плейбоя». Ее не портила даже злоба, которую источали большие раскосые глаза.

– Ну и что теперь будем делать, Змей? – тихо, сдерживая негодование, проговорила она, когда обвела взглядом догорающие развалины института. – Ты же все знал! Ты должен был первым делом нейтрализовать майора! Куда ж ты смотрел, идиот?!

– Мы не успели, Ли. Больше половины наших перебили, тут была такая неразбериха. Это ж не простые солдаты, сама знаешь, отборный спецназ, – оправдывался Змей, не глядя ей в глаза.

– Неразбериха! – передразнила его Ли. – Но ты понимаешь, что все испортил, что все это теперь зря? Ты хоть представляешь, каких денег мы лишились?

Змей молча курил.

Черная Ли грязно выругалась, вырвала сигарету у Змея и, нервно затянувшись, отправилась осматривать развалины так необходимого ей склада.

Естественно, от института ничего не уцелело, от склада тем более – взрывчатку закладывали опытные саперы по всем правилам их профессии, которая, как известно, не прощает ошибок.

Побродив по горящим еще развалинам и немного успокоившись, Ли подошла к группе сотрудников.

Выяснила, что никакого дополнительного склада не суще-

ствовало, но это она знала и без них. Она вообще была на удивление хорошо информирована и о планировке института, и о работах, проводимых в нем.

На это сразу обратил внимание Альберт, так и не успевший отправиться в командировку в Вашингтон. Он был тяжело ранен, легкое его было пробито пулей, причем неизвестно, чьей – своей или бандитской, хотя какая теперь, собственно, разница?

Он лежал на земле, но был в полном сознании и отлично слышал разговор молодой китаянки с его коллегами. Перепуганные ученые отвечали на вопросы Ли охотно, ничего не скрывая, в надежде на то, что им в благодарность сохранят жизнь.

Альберт понял, что бандитов почему-то очень интересует последняя разработка, именно та, материалы которой он должен был передать генералу Кларку. Сам Альберт не принимал непосредственного участия в этой теме, но от коллег знал, насколько опасен этот искусственно выведенный штамм, и решил молчать о том, что интересующие бандитов материалы по воле случая находятся у него дома. Не дай бог, он попадет в руки этим уродам!

Черная отошла от ученых, задумалась: тщательно подготовленная операция провалилась. Она с неприязнью посмотрела на своих.

«Ничего нельзя доверить этим кретинам, все нужно делать самой», – пронеслось у нее в голове.

К ней подошел Змей.

– Ли, что с ними будем делать? – спросил он, показывая на ученых стволом автомата.

Ли повернулась в сторону перепуганных людей, молчаливо ожидавших решения своей участи, они тоже с надеждой посмотрели на нее, поняв, что она здесь главная и она будет решать, жить им или умереть.

– Отпусти, – сказала она.

– Да ты что, Ли, они же... – начал было возмущенно Змей.

Но грудастая предводительница не дала ему договорить.

– Я сказала, пускай убираются отсюда! Вы и так наворотили здесь горы трупов. И что толку? Тебе, что, крови мало? – со злостью глядя на помощника, сказала Ли и уже спокойнее добавила: – Тем более что среди них ни одного белого. Все они свободны.

– Как скажешь, босс! – недовольно пробурчал Змей.

Он был не согласен с решением начальницы, оставлять свидетелей было не в их правилах, он не понимал, почему это она вдруг проявила такую мягкотелость.

Но у Ли были свои планы, она интуитивно чувствовала, что не все потеряно, эти люди еще могут быть полезны, когда немного придут в себя. Не может вот так, в одночасье, бесследно пропасть многолетняя работа института. Где-то что-то есть, где-то что-то должно остаться, и она обязательно это выяснит.

Окинув взглядом все еще дымящиеся развалины, Ли

крикнула:

– Змей! Собирай людей, уходим!

Действительно пора было уходить, с минуты на минуту должна была прибыть полиция, а встреча с ней не входила в планы бандитов.

Трупы погибших и раненые были уже погружены в машины, и буквально через несколько минут бандиты растворились в джунглях.

На территории разрушенного института осталась лишь горстка уцелевших сотрудников. Когда они поняли, что опасность миновала, что они остались живы, хотя многие уже мысленно возносили предсмертные молитвы, женщины наконец дали волю слезам, мужчины угрюмо молчали.

Глава 5

Южная Калифорния. Сан-Диего. Империял Бич

На правой стороне прямой, как стрела, дороги промелькнула табличка «Рамона – 2 мили», Алекс посмотрел на бензиновый счетчик: стрелка приближалась к нулю.

– Слушай, Эл, а не пора ли тебе порулить? Ты всю дорогу провалялась на заднем сиденье.

– Какого черта, Алекс? Я предлагала лететь самолетом. Ты сам начал изображать из себя путешественника. «Через всю Америку, это уже отдых». Вот и отдыхай. Кто тебе мешает?

* * *

– Да ладно тебе, Эл. Неужели не понравилось? И осталось-то миль двадцать, не больше. Заправимся в Рамоне, там и пересядешь. Могу я хоть немного расслабиться? – скопил улыбающиеся глаза на подругу Алекс.

– Опять заправимся! Ну и машину ты выбрал, ни одной заправки не пропустили! Ладно уж, пересяду. Только, – она приподняла крышку холодильника, стоящего между передними сиденьями, – расслабляться тебе нечем, пиво кончилось.

– Я же говорю, в Рамоне заправимся.

Это был их совместный отпуск, своеобразная компенсация от нового начальства Алекса за удачно проведенную операцию в Ираке, в которой участвовала и Элеонор Хемптон. Хотя операция была проведена удачно, последствия ее были катастрофические для высшего руководства ЦРУ и особенно самой Элеонор, она до сих пор еще полностью не оправилась. Временами замирала, становилась грустной, какой-то отсутствующей. Алекс в эти моменты старался ее не тревожить, прекрасно понимая состояние Элеонор.

Дело в том, что при проведении этой операции погибли ее родители. Они непосредственно не были задействованы в акции, но стали разменной монетой в грязной комбинации, которую чуть было не воплотил в жизнь ее дядя Джордж Хемптон, принадлежавший к высшему руководству ЦРУ и бывший в то время непосредственным начальником Алекса.

С самого начала операции, даже еще в момент ее подготовки, Хемптон совершил несколько ошибок, в результате которых планам его не суждено было сбыться, а сам он погиб от своей же ракеты в порту Басры. Главной его ошибкой была недооценка аналитических способностей Алекса, да и своей племянницы Элеонор тоже. Планы Хемптона были настолько грандиозны, что он рискнул пожертвовать семьей родного брата. Элеонор должна была убить Алекса там, в Ираке, и погибнуть сама, но вместо этого она влюбилась в него, доверилась ему, и они вместе разрушили человеконенавистнический план ее дяди.

Алекс также не устоял перед чарами Элеонор, хотя и долго не хотел признаваться даже себе в этом. Но случилось то, что случилось, и теперь они ехали в Сан-Диего в двухнедельный отпуск. Их ждало уединенное бунгало на песчаном пляже Империял Бич, четырнадцать дней ничем не сдерживаемого безделья и четырнадцать жарких ночей, сплошь заполненных, как они оба надеялись, любовными утехами.

Элеонор пришлось уйти с оперативной работы, а получить отпуск для нее не составило особого труда, Алексу же пришлось долго уговаривать новое начальство, но он своего добился, как впрочем, и всегда.

Наконец показались предместья Рамоны, и серебристый запыленный «Линкольн Навигатор» свернул на заправку.

– Полный бак, – сказал Алекс подошедшему пареньку в униформе и сунул ему кредитную карточку.

– Алекс, я тоже иду. Подожди меня, – сказала Элеонор, открывая широкую дверь джипа.

– А тебе-то зачем?

– Догадайся, напряги свои умственные способности, суперагент. Куда может хотеть человек после долгой дороги, я ведь не могу этого делать прямо за машиной, как некоторые.

– Почему? – дурашливо удивился Алекс.

– Потому что у меня нет такой штуки, как у тебя, – улыбаясь, ответила она.

– Какой штуки? – продолжал корчить из себя идиота Алекс. – А-а, понял! Да, отличная вещь! Не представляю,

как вы без нее обходитесь?

– А кто тебе сказал, что мы обходимся без нее? Но, представь, как бы ты ко мне относился, если бы она у меня была?

– Да, вопрос!

– Причем дурацкий. Ладно, хватит молоть чепуху, – рассмеялась Элеонор и направилась к двери с надписью «Ladies». Он помахал ей рукой и вошел в другую дверь.

На Империял Бич они прибыли около полудня. Бунгало оказалось небольшим уютным домиком, но стоящим не в таком уж уединенном месте, как обещали Алексу. Элеонор их временное жилище понравилось, она поцеловала его в щеку и сказала:

– Слава богу, что ты не заказал огромный коттедж наподобие тех, что мы видели на Кони Айленде. Спасибо, милый.

– Ну я же знаю, что ты не любишь больших домов, – отозвался довольный Алекс. Он и сам не любил этих огромных вычурных домов со множеством холлов, лестниц, переходов. Наверное, это красиво и престижно, но как в них жить?

Они оставили вещи в машине, взяв лишь пару сумок, и прошли в дом.

– Ну, что, на пляж для начала? В океанский прибой? – задорно спрашивала Эл, доставая купальник.

– Конечно! – согласился Алекс. – Смоем с себя дорожную пыль!

– Ага, и заменим ее океанской солью, – поддакнула она, снимая майку.

Он хотел что-то ответить, но замер с открытым ртом. Наблюдая, как она сбрасывает с себя последние одежды, он почувствовал, что его обдало жаром желанья, вид раздетой Элеонор возбудил его, как мальчишку, ему даже как-то не по себе стало.

«Когда же я к ней привыкну? – подумал он. – Лучше бы – никогда!»

Она действительно была прекрасна – высокая, с длинными ногами, неширокими ровными бедрами и, что больше всего нравилось ему, большой упругой грудью, крупные коричневые соски которой постоянно задиристо торчали, будто ей холодно или она возбуждена.

– И на фига мне этот пляж! – сказал Алекс, подходя к ней с вполне понятной целью.

– Алекс, Алекс, – поняла его намерения Элеонор, – остынь, милый. Ты думаешь, я этого не хочу? Но надо же сполоснуться с дороги, я чувствую себя такой липкой и грязной! Давай немного потерпим.

– Ладно! – с трудом согласился он. – Но хочу заметить, что ты очень неромантична.

– Не беспокойся. Я стану романтичной после душа. Романтичной и страстной!

Она надела купальник, который, впрочем, мало что скрывал, и сказала:

– Ну, вперед, мачо! Догоняй! Если догонишь – я твоя.

– А если не догоню? – спросил он, сбрасывая джинсы.

– Ну, если не догонишь... – Она на минуту задумалась. – То... я тем более твоя!

Теплый светлый песок пляжа, ласковый тихоокеанский прибой – океан в эти дни полностью соответствовал своему названию – вечером ужин при свечах, огромная кровать, ласково принимавшая их разгоряченные вином и собственной близостью тела в свои прохладные атласные объятия. Так прошли два дня, а на третий эту волшебную сказку оборвал совершенно прозаический телефонный звонок. Звонил новый начальник Алекса – Эдвард Тейлор.

– Алекс, мне неприятно тебе это говорить, но твой отпуск закончен. Срочно вылетай. Подробности на месте. Жду. Извини.

Алекс нового шефа никогда не видел, но голос ему почему-то показался знакомым.

– Черт! Черт! Черт! – ругалась минуту назад смеявшаяся Элеонор, по лицу Алекса понявшая, что означает звонок. – Ну что у них опять стряслось?

– Не знаю. Подробности, как обычно, на месте.

– Я с тобой!

– Брось, Эл, оставайся. Возможно, это ненадолго. Зачем пороть горячку?

– Думаешь? – с сомнением спросила она.

– Я позвоню тебе из Вашингтона, тогда и решишь.

– Черт! Ну что за жизнь!

– Мы сами ее выбрали, Эл, – сказал Алекс.

Через час он был уже в аэропорту Сан-Диего.

Глава 6

Россия. Москва. Центр

Петр Семенович Кречет со вздохом закрыл дверцу стенового шкафа в своем кабинете и в который раз подумал: «Бежать надо, Петя, бежать». Прекрасно понимая, впрочем, что эти мысли так и останутся лишь мыслями – ни завтра, ни послезавтра, ни в очередной понедельник бежать он не начнет. Не будет у него на это ни времени, ни особого желания.

Петр Семенович стремительно полнел, только что он повесил в шкаф очередной мундир с погонями генерал-лейтенанта, там уже висело два генеральских с одной звездой. Этот третий за последние два года, причем каждый следующий на размер больше предыдущего. Все три мундира были абсолютно новые, нечасто ему приходилось щеголять с генеральскими погонями.

Теперьшнее повышение в звании и должности было Петру Семеновичу и в радость, и в тягость. В тягость оттого, что пришлось заказать новый мундир и обнаружилось возрастание объема генеральского тела еще на один размер.

«Хорошо, хоть не лысею», – с удовлетворением отметил новоявленный генерал-майор, глядя на себя в зеркало.

Недавно закончившаяся операция в Ираке по предотвращению взрыва «грязной» атомной бомбы многих в их ведомстве продвинула по служебной лестнице.

Петр Семенович занял кресло своего друга Владлена, с которым они теперь виделись крайне редко, тот отныне был практически на недостижимой высоте. Хотя о занятии кресла друга можно говорить только в переносном смысле: Петр Семенович наотрез отказался покинуть свой кабинет. Привык он к нему за столько лет, прикипел, а кабинет Владлена ему никогда не нравился, он всегда чувствовал себя там, как на вокзале транзитным пассажиром. И благодаря природному упрямству и благоприобретенной изворотливости ему все же удалось отстоять свой родной кабинет, хотя в их конторе такие вещи обычно не проходили, да, честно говоря, и прецедентов таких практически не было.

Бывший начальник оперативного отдела и теперешний заместитель директора уселся в свое потертое кресло, автоматически, больше по привычке, чем по необходимости, навел порядок на столе, спрятал лишние бумаги и связался с майором Звягинцевым. Звягинцев тоже получил повышение, сменив четыре маленькие звездочки на одну побольше.

– Ну что, майор, прибыл наш аналитический гений? Отлично, проводи его ко мне, – сказал генерал в трубку.

У Кречета была назначена встреча с Борисом Львовичем Жуковским, высоким, нескладным, интеллигентным человеком с мягким голосом и добрыми внимательными глазами под большими круглыми очками. Эти очки вкупе с небольшой аккуратной бородкой придавали ему сходство с университетским профессором начала прошлого века. А свое-

образная манера говорить правильными фразами с употреблением слов, давно забытых современным русским человеком, и множеством причастных и деепричастных оборотов, без вкраплений различных междометий и немодулированных звуков, вроде «э-э-э-э-э» или «а-а-а-а-а», довершали это сходство.

Борис Львович был одним из лучших специалистов управления информации и анализа и иногда проявлял чудеса прозорливости, составляя из незначительных, казалось бы, отрывочных фактов целостную картину. Мышление этого человека было не менее своеобразным, чем его речь, обладавшее какой-то своей, одному ему понятной логикой. С ним часто не соглашались кто поглупее, насмехались, слушая его неожиданные выводы, но Петр Семенович не помнил случая, чтобы Жуковский оказался не прав, если утверждал что-либо категорически. Но, как и подобает истинно умному человеку, категорических утверждений Борис Львович избегал.

Честно говоря, генерал был рад, что теперешнюю операцию ему предстоит осуществить именно с ним, у них давно установились дружеские и доверительные отношения.

– Добрый день, Петр Семенович, – поздоровался вошедший Жуковский. – Рад случаю поздравить вас с новой должностью.

– Спасибо, Борис Львович, спасибо, – встал навстречу гостю генерал. – Прошу вас, садитесь.

Аналитик сел в предложенное кресло и положил на стол перед генералом несколько бумаг.

– Это отчеты военных медиков по эпидемии в Анадыре. – Борис Львович достал из принесенной им папки еще несколько листков, аккуратно упакованных в пластиковые пакеты-файлы. – А это отчеты медиков о вспышках во Владивостоке, Находке, а теперь уже и в Уссурийске.

Генерал поднял на аналитика удивленные глаза.

– Да-да, милейший Петр Семенович, случай в Анадыре далеко не единственный. Болезнь стремительно двигается на запад. Следующим, я думаю, будет Хабаровск, а дальше, сами понимаете...

– Но в Приморье каким образом?

– Это мы выяснили, хотя и предположительно. Если считать очагом Анадырь, тогда все более-менее ясно. После того как в Анадыре были зафиксированы первые случаи, порт покинул сухогруз «Капитан Сергиевский», и по прибытии его в порт Владивостока там также были зафиксированы вспышки подобной болезни.

– Подобной или той же? – уточнил генерал.

– Понимаете, Петр Семенович, симптоматика болезни крайне путаная, присутствует и менингеальный синдром, и геморрагические проявления, и...

– Ладно, ладно, Борис Львович, – не дал ему договорить генерал, – ты на вопрос ответь – та болезнь?

– С девяностопроцентной вероятностью можно утвер-

ждать, что та.

– С самой болезнью разобрались?

– Пока достоверно утверждать можно лишь одно – это вирусная инфекция искусственного происхождения, то есть штаммы выращены в лабораторных условиях. И второе, Петр Семенович, не менее важное... – Жуковский на секунду задумался.

– Ну? – подбодрил его генерал.

– Это нуждается в дополнительной проверке...

– Ну-ну...

– Болезнь поражает лишь представителей определенной расы – европеоидов, – наконец ответил Борис Львович.

– Ты хочешь сказать, Борис Львович, что это...

– Да, скорее всего, это расовое оружие!

– !!!

– И именно это предстоит выяснить вашему человеку, как я понял.

– Но разве такое возможно?

– Милейший, Петр Семенович, в современном мире все возможно. Разработкой бактериологического оружия, как вы знаете, занимались японцы еще со времен Второй мировой войны, и довольно успешно, кстати. Затем результаты их исследований вместе с частью ученых присвоили американцы, продолжив работы. И кто сейчас может дать гарантию, что в результате этих работ не были получены положительные, если можно так сказать, результаты. Хотя думается мне,

что если кто-то из американских ученых и занимался изготовлением расового оружия, то частным образом, неофициально, во всяком случае, не ставя в известность Конгресс. Да что греха таить, вы не хуже меня знаете, что и у нас проводились подобные исследования, но, слава богу, благодаря скудному финансированию и всеобщему бардаку успеха не имели.

– Вы думаете, что это хорошо? – Новость взволновала генерала, и он произвольно переходил с «ты» на «вы» и наоборот.

– Что именно? – не понял Жуковский.

– Что нашими учеными так и не было изготовлено нечто подобное?

– Мое мнение таково, Петр Семенович. – В глазах Бориса Львовича появился несвойственный ему холодный злой блеск. – Сам факт изготовления подобного оружия является преступлением против человечества, безотносительно, у кого оно находится в руках. Само же оружие подлежит немедленному уничтожению со всеми документами, его касающимися.

– Ну, что ж, пожалуй, в этом вопросе я с вами полностью согласен. Но боюсь, что не все придерживаются подобного мнения, – немного подумав, ответил генерал.

– Вы, Петр Семенович, имеете в виду кого-то конкретно?

– Да боже меня упаси! Борис Львович, давайте оставим этику в покое и спустимся на землю. У вас же, наверное, есть

что-то еще?

– Вы правы, Петр Семенович, есть. Только сразу хочу предупредить: это мои предположения, основанные на кое-каких давних и недавних фактах, просто одна из версий.

– Ну давай, выкладывай, Борис Львович, не скромничай.

– На мой взгляд, следует обратить особое внимание на остров Минданао, что на Филиппинах, – начал Жуковский.

– Ага, поэтому ты просил замотивировать командировку нашего человека на Филиппины?

– Именно так, Петр Семенович.

– Так на чем основаны твои предположения? – спросил генерал и задумчиво добавил: – А ведь у нас там есть да-а-авно законсервированный агент. Так что?

– Во-первых, вспышка заболевания в Анадыре началась после прихода в его порт сухогруза с Филиппин.

– Но это ведь был не единственный сухогруз?

– С Филиппин – единственный. Во-вторых, на Минданао, по моим сведениям, находится американский научно-исследовательский институт микробиологии.

– Так...

– Институт подведомственный Пентагону, а курирует его лично генерал Кларк.

– Что-то я слышал про него... – напряг свою память Петр Семенович.

– Вполне возможно. В молодости Кларк был активистом «Черных Пантер», затем как-то неожиданно резко оборвал с

ними связь. Ему удалось то ли скрыть этот досадный эпизод своей биографии, то ли как-то отмыться, что и позволило ему сделать довольно успешную военную карьеру.

– Вот куда ты клонишь! – наконец догадался генерал. – Но ведь это дела почти тридцатилетней давности.

– Конечно, но ведь вы понимаете, что из организаций, подобных «Пантерам», не уходят просто так, – возразил генерал.

– Ну а что? Версия вполне жизнеспособна. Будем ее отрабатывать.

Глава 7

США. Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ

Алекс Бэр считался одним из самых успешных и талантливых работников Оперативного Директората ЦРУ.

Высокий, широкоплечий, с пышной темно-русой шевелюрой, с несколько грубоватым лицом, грубоватым ровно настолько, чтобы не казаться приторно смазливый. Располагающая внешность, отличное владение приемами рукопашного боя и различными видами стрелкового оружия, а также знание многих языков и высокая эрудиция делали его незаменимым для агентурной работы.

Работа в разведке была для него не просто работой, это была его жизнь, он отдавался ей полностью и безраздельно, не очень-то задумываясь о будущем, сосредотачиваясь на конкретном задании, которое необходимо выполнить сейчас, в данный момент. У него было правило – решать проблемы по мере их поступления, не заглядывая далеко вперед, и оно до сих пор его не подводило. Но теперь...

Алекс подъезжал к Лэнгли во взятой напрокат машине и пытался разобраться в собственных чувствах. Это было непросто.

Когда там, в Империал Бич, раздался звонок от Тейлора, он испытал целый коктейль эмоций. Облегчение, досада, обида за Эл, за себя, возбуждение борзой перед охотой и но-

вое щемящее чувство подвластности, не досада, скорее намек на досаду, что ты, Алекс, как бы ни был успешен, себе не подвластен, не волен распоряжаться собой. Но и это не самое страшное, страшно другое – это положение невозможно изменить, так будет всегда, такова профессия, профессия, которую, раз выбрав, поменять невозможно, как Родину, как родителей, как генетический код.

Одна мысль цеплялась за другую, и в бедную голову Алекса лезли все новые и новые вопросы.

«За что мы работаем? За что работают все разведчики, все шпионы мира? Каков стимул? Патриотизм, деньги, тот адреналин, который иногда дает эта работа? Такова реализация атавистического инстинкта охотника, полученного нами в наследство от предков? Говорят, этому подвержены в той или иной степени все мужчины, только выражение этому каждый находит свое».

Вопросы все возникали и возникали, а ответов не было.

В конце концов Алекс разозлился на эти дурацкие мысли, самокопание он считал занятием неплодотворным, даже вредным, и от злости резко нажал на тормоз. Покрышки видавшего виды «Форда» взвизгнули, оставляя черные следы на асфальте, автомобиль слегка занесло, и он остановился на обочине.

«Почему только теперь эти идиотские мысли не дают мне покоя, почему я раньше ни о чем подобном не думал?» – сам себя спросил Алекс, но на этот вопрос ответ он знал.

«Потому что у тебя теперь есть что терять, а значит, и есть за что зацепить. Теперь волей-неволей приходится думать о будущем, и не надо хотя бы себя обманывать. Ты теперь агент с изъяном».

Под изъяном Алекс имел в виду Элеонор, вернее, не ее саму, а свое отношение, свое чувство к ней, которое он до сих пор даже в мыслях не отваживался назвать своим настоящим именем.

Многое изменилось в жизни Алекса после встречи с Элеонор. Он долго сопротивлялся этому чувству, отмахивался от него: да ерунда, пройдет, бывает. Но не прошло, наоборот, усилилось, овладело им, но не полностью, не безраздельно. Боевая труба по-прежнему звала его, и звуки ее пробивались даже сквозь его любовь к Элеонор.

Алекс усмехнулся и, включив двигатель, тихо произнес:

– Да, пожалуй, действительно, горбатого только могила и исправит!

Оставшиеся несколько миль до Лэнгли он проехал с такой скоростью, что мыслям места просто не осталось.

Только перед самым въездом он сбросил скорость до приемлемой и остановил машину на КПП, не дожидаясь жеста офицера из собственной полиции цэрэушного городка, местные порядки он хорошо знал, теперь полиция останавливала все машины, независимо от чина и ранга владельца.

Полицейский – высокий, широкоплечий, с узким лицом и какими-то пустыми глазами – придиричиво изучил докумен-

ты Алекса, заглянул внутрь салона и только после этого жестом отдал команду пропустить машину.

С центральной аллеи Алекс свернул налево в надежде припарковать машину на южной стоянке. Она была рядом с центральным входом в старый корпус, наиболее известный простым смертным по фильмам и фотографиям. До одиннадцатого сентября туда даже водили экскурсии, хотя дальше холла штаб-квартиры со знаменитым панно на полу с символикой ЦРУ – орлом, восседающим над розой ветров, – не пускали.

Второй, новый корпус, начавший строиться в 1985 году и первый камень в фундамент которого заложил тогдашний вице-президент Джордж Буш – папа нынешнего Буша, был значительно менее знаменит.

На южной стоянке припарковаться не удалось, полицейский красноречиво скрестил руки над головой и указал на северную, дальнюю стоянку. Надо сказать, автостоянки в Лэнгли занимают площадь вдвое, а то и втрое большую, чем сам комплекс административных зданий со всеми окружающими их парками и газонами.

Делать нечего, пришлось ехать на северную стоянку. Полицейский не обманул, места здесь были, хотя и в самом дальнем уголке.

Пока Алекс шел со стоянки, он обратил внимание на то, что полицейских из собственной службы безопасности на территории городка стало значительно больше. Особенно на

велосипедах: площадь городка была значительной, и полицейские патрулировали не только пешком, но и на велосипедах.

Он свернул налево и вошел под крыло навеса центрального входа, пересек знаменитое панно и подошел к турникетам, которые и являлись собственно входом в святая святых. Вход в здание осуществлялся на удивление просто, вот через эти обычные турникеты с помощью личной электронной карточки, хотя и под неусыпным взглядом бдительных полицейских. И никаких, вопреки расхожему мнению, сканирований сетчатки глаза, отпечатков пальцев, цифровых кодов, голосовых шифров и прочей голливудской ерунды здесь не было.

Алекс вошел в кабинет шефа и уже было открыл рот, чтобы поздороваться, но так и замер, не произнеся ни слова. А лицо человека, сидящего за столом, просто-таки светилось от счастья, он был доволен произведенным эффектом.

– Узнал? Вижу-вижу, узнал! – вставая навстречу вошедшему и протягивая обе руки, довольным голосом пробасил новый начальник Алекса.

– Майор Хаммер, но... – проговорил действительно удивленный Алекс.

– Полковник, мистер Бэр, полковник, и не Хаммер, а Тейлор. Полковник Эдвард Тейлор. Для тебя просто Эд, в неслужебной обстановке, конечно.

Алекс знал майора Хаммера, участвовал в нескольких

операциях под его руководством, и они были если не друзья, то, во всяком случае, хорошие, добрые товарищи. И, как Алексу было известно, майор погиб два года назад во время акции в Эквадоре. А теперь стоял живой и здоровый, с распростертыми дружескими объятиями и от души потешался над его, Алекса, растерянностью.

– Ты что, Ал, думаешь, я привидение, бесплотный дух? – раскатисто хохотал полковник. – Ладно, проходи, садись.

Полковник достал из бара бутылку виски, плеснул в стаканы, они выпили не чокаясь.

– Я действительно чуть не погиб тогда, в Эквадоре. Меня ранило в ногу, икру навывлет прострелили, Джейсон меня на себе волок. Вертолет за нами не пришел, сбили. Выбирались почти две недели своим ходом, думали, уже все, конец. У меня гангрена началась, восемь месяцев в госпитале, потом реабилитация... – Полковник задумался, лицо его погрузнело. – Теперь я работник кабинетный, нога-то пластиковая под самое не могу. Вот так, брат!

– Не знаю, что и сказать, Эд, рад за тебя или сожалею, наверное, и то и другое, – наконец обрел дар речи Алекс. – Во всяком случае, я искренне рад, что ты заменил Хемптона.

– Но это по большей части твоя заслуга, Алекс. Это ведь ты навел ракеты на их яхту, насколько я знаю из отчетов.

– Не совсем, я лишь передал ему телефон с маяком наведения, – скромно заметил Алекс.

Полковник, улыбаясь, глядел на Алекса, затем убрал со

стола бутылку и произнес:

– Все, мистер Бэр, вечер воспоминаний закончен. Теперь к делу.

– Да, я слушаю.

– Дело, прямо скажу, нехорошее. Для нас крайне щекотливое. А последствия его, если вовремя не пресечь, могут быть катастрофические. Вот материалы по делу, потом изучишь, а пока вкратце. – Полковник положил папку перед Алексом.

– На Филиппинах, на острове Минданао, до недавнего времени находился наш научно-исследовательский институт, подведомственный Пентагону и, со слов военных, занимавшийся вполне безобидными вещами. Были, правда, там некоторые неувязки, связанные со вспышками непонятных заболеваний на острове, но военные быстро все утрясали, так что огласки инциденты не получали. Теперь института нет!

– Не понял?

– Разгромлен до основания, оборудование уничтожено, большая часть сотрудников погибла, охрана перебита почти полностью, а это была рота отборного спецназа Пентагона, сам понимаешь, что за ребята. Местная полиция ведет следствие, но.... А сам Пентагон... Ты же знаешь, как они любят делиться своими секретами, особенно с нами. Курировал этот институт генерал Кларк, он уже вылетел на Минданао. И еще, после разгрома института на острове вновь зафиксиро-

рованы случаи странного заболевания, местные медики его даже идентифицировать не могут, но ни один из заболевших не выжил.

– Ну а я-то здесь каким боком?

– Ты слушай, не перебивай. До главного и самого плохого я еще не дошел.

– Ого! – изумился Алекс. – Если это не самое плохое, то что же плохое? Выход Техаса из состава Соединенных Штатов? Развал самих Штатов? Гибель цивилизации?

– Ну, это уж ты хватил! Гибель цивилизации! – в тон ему ответил полковник. – Не всей цивилизации, а только ее части, причем теперь уже даже и не большей.

– Я опять не понял, ты о чем?

– Не надо перебивать начальство, тогда будешь все понимать, – нравоучительно заметил Тейлор и пробурчал, подражая манере одного их общего знакомого, майора из Академии ЦРУ: – Вечно вы, агенты, думаете, что знаете больше всех, больше командования.

Алекс улыбнулся и, выставив ладони перед собой, склонил голову набок, что должно было, вероятно, означать: «Молчу, шеф, молчу, больше ни слова».

– В России, на Чукотке, сейчас свирепствует эпидемия неизвестной болезни, по симптомам очень напоминает филиппинские случаи. На Чукотке ее локализовать не смогли, и теперь она появилась в Приморье – Владивосток, Находка и уже даже Уссурийск. И что интересно, болеют только белые.

– !!!

– Поэтому, вероятно, – продолжал полковник, не обращая внимания на удивленно выпученные глаза Алекса, – на Филиппинах эта болезнь не получила такого распространения, как в России, там ведь европеоидов почти нет.

– Ты хочешь сказать, Эд, что Пентагон в этом заштатном институте на богом забытом острове занимался изготовлением расового оружия?!

– Заметь, Алекс, ты первый это сказал! Только я не думаю, что этим занимался Пентагон, скорее кто-то из тамошних, институтских ученых или... Но это и есть твое задание, выясняй, но тихо и быстро.

– Я думаю, что ни одно государство не будет финансировать разработку расового оружия. Это оружие террористов. Если такое вообще возможно. Насколько я знаю, это – фантастика.

– Тогда половина белого населения Анадыря умерла именно от этой фантастики, – сказал Эдвард Тейлор, глядя на Алекса в упор. – Пойми, Алекс, споры вести некогда. Умирают люди, нарастание болезни идет по экспоненте. Русские сначала тоже сомневались, думали, что это случайность, но факт остается фактом – ни один якут, ни один чукча, а и тех и других на Чукотке немало, не заболел, только русские и другие европейцы. В Приморье ни один китаец, а их там не меньше, чем в самом Китае, ни один татарин или какой другой монголоид не заболел, только белые.

– Сколько у меня времени на подготовку?

– Меньше суток, вылетаешь завтра утром, – ответил полковник.

– Легенда?

– Практически никакой, летишь под оригинальной фамилией Смит и таким же оригинальным именем Джон, как представитель фирмы «Фут фрут», агент по закупке фруктов, проводишь маркетинговые исследования, готов заключить любой контракт, не брезгуешь комиссионными. Остальное додумаешь сам, не впервой.

– Могу я воспользоваться нашей базой?

– Разумеется. В соседнем кабинете терминал полностью в твоём распоряжении.

Глава 8

Филиппины. Остров Минданао. Окрестности города Котабаты

Погибшие сотрудники института были похоронены на старом местном кладбище, находящемся на территории полуразрушенной католической миссии, на самой окраине города. Все погибшие были католиками, траурную церемонию проводил отец Антонио, местный священник, по воле случая присутствовавший при нападении бандитов на институт, но не пострадавший.

Тела погибших американцев были запаяны в цинковые ящики и ожидали отправки на родину тут же, в подвале католической миссии.

Прибывший из Вашингтона генерал Кларк с командой перебрали развалины института камень за камнем, но это не принесло никаких результатов, оборудование было уничтожено полностью, уцелели только генератор и несколько воздушных насосов, находившихся в подвале, поэтому практически не пострадавших. Из-под обломков был также извлечен большой несгораемый сейф с документацией, не представлявшей, впрочем, для генерала большого интереса, документы в сейфе были в основном хозяйственные, не имевшие к научной работе никакого отношения. Результаты последней разработки бесследно исчезли.

Через несколько дней после разрушения института на Котабато обрушилась новая напасть: в больницы города начали обращаться жители с жалобами на высокую температуру, недомогание, боли в пояснице, головную боль.

Больных госпитализировали с подозрением на инфекцию, что при филиппинском климате не редкость, но врачи, как ни старались, диагностировать болезнь не могли. Количество больных увеличивалось, у первых поступивших стали наблюдаться геморрагические проявления. Местные медики обеспокоились и вызвали специалистов из Манилы.

Стали поступать сведения, что с подобным заболеванием столкнулись и врачи близлежащих городов – Биту, Таманг, Мануанган. Особенно много случаев наблюдалось в городах Маитунг и Даликан, расположенных в сильно заболоченной местности.

Хотя и врачи, и местные власти обратили внимание на эти вспышки заболеваний и старались как могли с ними справиться, особой тревоги это пока не вызывало, не воспринималось как эпидемия. Никто пока не обратил внимания, что все заболевшие – европейцы, которых на Минданао было очень мало, и уж тем более никто не связывал это с разрушением американского института в Котабато. Никто, кроме генерала Кларка, но тот не спешил делиться своими выводами ни с кем.

Проводивший расследование Умберто Гарсиа в очередной раз беседовал с отцом Антонио, тут же присутствовал и генерал Кларк.

Генерал сидел в углу комнаты, внимательно слушал четкие ответы священника, лишь изредка задавая короткие вопросы.

Вопросы касались в основном того, что, по мнению Антонио, хотели бандиты, ради чего было устроено это нападение.

Гарсиа был со священником подчеркнуто вежлив, сам он являлся истово верующим католиком, как и большинство жителей города, но служба есть служба, и ему приходилось досаждать святому отцу своими бесконечными вопросами.

– Когда раздался взрыв, вы где находились?

– На улице, перед входом. Нам с трудом удалось вырваться из здания, и как только мы вышли, не успев отбежать несколько шагов, раздался взрыв, очень сильный. Нас отбросило, и я на некоторое время, не могу сказать, на сколько именно, потерял ориентацию.

– Это был один взрыв или серия из нескольких? – вновь спросил священника Гарсиа.

– Не могу сказать точно, но мне показалось, что один. Все случилось очень быстро и совершенно неожиданно.

– А что происходило в здании, перед тем как вы вышли?

– Бой – крики, ругань, кровь, неразбериха, автоматные очереди. Китайцы стреляли в солдат, солдаты стреляли в китайцев. Люди, я имею в виду сотрудников, кричали и металась из стороны в сторону, не зная, что делать, куда бежать.

– Простите, святой отец, но как вы оказались в институте? – вмешался в разговор Кларк.

Гарсиа искоса бросил на генерала неодобрительный взгляд, но промолчал, вопрос показался ему не совсем вежливым, однако делать замечание генералу он не решился.

Священник вопрос воспринял совершенно нормально и обстоятельно ответил на него, но ответ его был адресован не генералу, а Гарсиа.

– Я был приглашен доктором Асакино для освящения его новой лаборатории. Мне и пропуск был выписан, он, кстати, сохранился. – Отец Антонио достал из внутреннего кармана пиджака бумажный прямоугольник и положил его перед Гарсиа.

Сутану священник, как и многие католические священники, надевал только во время службы, во все же остальное время он одевался, как и прочие, и служителя церкви в нем выдавал только белый «римский воротничок» на темной рубашке.

– Не знал, что старик Асакино был настолько набожен, – с улыбкой заметил генерал.

Антонио повернулся к Кларку всем корпусом и тихо про-

изнес:

– Сын мой, не забывайте, что вы говорите об усопшем, тело которого еще не обратилось в прах!

– Прошу прощения, святой отец, – примирительно сказал генерал, выставив перед собой черные ладони.

По заблестевшим глазам Гарсиа нетрудно было понять, что отповедь священника ему понравилась, чего нельзя было сказать о Кларке, – тот начал раздражать его с первой же минуты знакомства, хотя вел себя довольно сносно.

– А как, святой отец, бандиты вели себя с сотрудниками? – после небольшой паузы задал новый вопрос Гарсиа.

– Вы не поверите, господин Гарсиа, но никак, они просто не замечали нас. Мы были для них чем-то вроде мебели, могли толкнуть, если кто-то им попался на пути, ударить, но и только.

– Они не стреляли в вас?

– Нет, говорю же вам, они нас не замечали. Я не сразу это понял, но теперь мне кажется, что у ворвавшихся в здание бандитов была только одна цель – уничтожить охрану.

– Они не рвались в сектора, не задавали вопросов, ничего не требовали?

– Нет, ничего подобного не было. Они просто планомерно убивали солдат. И еще одно... – Священник на секунду замолчал, как бы не решаясь сказать.

– Что, святой отец? – попытался подбодрить его Гарсиа. – Говорите.

– Я не особо сведущ в военном искусстве, но теперь, когда вспоминаю, мне кажется, что нападавшие знали расположение постов, знали, где должны находиться солдаты.

– Что заставило вас сделать такое предположение, святой отец? – спросил вмиг напрягшийся генерал Кларк.

– Понимаете, – повернулся к нему Антонио, – когда они убежали в холл, никто из бандитов не метался, не озирался по сторонам, ища цель. У каждого из них была своя... своя цель... и каждый точно знал, где эта цель находится.

– Под словом «цель» вы имеете в виду солдат охраны? – вновь задал вопрос генерал.

– Да-да-да! Один из солдат, он был почти рядом со мной, встал со своего стула и отошел на несколько шагов, чтобы позвонить по телефону. В это время ворвались бандиты, и один из них выпустил очередь в этот стул, хотя там никого не было!

– Вы ничего не путаете, святой отец? Возможно, это вам просто показалось?

– Нет-нет! У меня эта сцена до сих пор перед глазами стоит!

– Ну, хорошо. А что было потом, на улице, после взрыва? К вам подошла их предводительница Ли. О чем она спрашивала? – спросил все еще находящегося под впечатлением страшных воспоминаний Антонио Гарсиа.

– Что? Ли? Да-да, Ли. Дьявол в женском обличье! – произнес святой отец, возвращаясь в действительность. – Я в

разговоре не участвовал, необходимо было оказать помощь раненым. Но слышал, что она интересовалась складом, или что-то в этом роде... Кто они, Гарсиа? Вы о них что-то знаете?

– Конечно, о группировке Черной Ли нам давно известно. В сущности, это просто бандиты, живущие за счет наркотрафика, но в последнее время стали приторговывать оружием, не брезгают ничем. А для придания хоть какой-то респектабельности своей группировке Черная Ли пытается позиционировать себя как крайне левое национально-освободительное движение. Не вливаясь ни во Фронт Национального Освобождения Моро – MNLF, ни в военный Исламский Фронт Освобождения Моро – MILF, активно с ними сотрудничает, особенно с последним. Распространяет листовки здесь и на Сулу, содержание которых – какая-то дикая смесь изречений из Мао, Ленина, Гитлера, Ницше, и все это с сильным расистским уклоном.

– Они признают право на существование только желтой расы, черной – только на определенных условиях. – Гарсиа покосился на генерала. – Для белых, по их убеждению, нет места на земле.

Во время рассказа Гарсиа от внимательного взгляда священника не ускользнуло, что для Кларка все сказанное новостью не было. Отец Антонио был хорошим священником, а следовательно, отличным психологом.

– Сама Ли, по всей видимости, женщина умная, волевая,

обладающая определенной харизмой, – продолжал Гарсиа. – Не думаю, что она всерьез верит во всю эту галиматью, которой пичкает свое воинство. Для меня в ее действиях много непонятного. Зачем они напали на институт? Почему оставили в живых свидетелей?

При этих словах полицейского священника передернуло.

– Простите, святой отец, – заметив это, сказал Гарсиа, – но, по логике вещей, они не должны были оставлять вас в живых. Правда, в отличие от исламских группировок, Черную Ли нельзя обвинить в излишней жестокости, но и в излишней доброте тоже. И еще одно, по нашим данным, она через подставных лиц скупает ананасовые плантации. Что это? Попытка заняться легальным бизнесом? Но всем известно, что этот бизнес приносит мизерные доходы, ни в какое сравнение не идущие с торговлей оружием и наркотиками.

В это время зазвонил телефон на столе Гарсиа.

– Да, слушаю... Здесь... Да, мы уже закончили. – Гарсиа посмотрел на Антонио. – Конечно, конечно... Хорошо, я распорядюсь. До свидания.

Гарсиа положил трубку и, глядя на священника, произнес:

– Святой отец, в госпитале умирает один из раненых сотрудников института, просит, чтобы вы его исповедовали и причастили. Врач говорит, что у него не более часа. Вас доведут до госпиталя...

– Спасибо, сын мой, но я еще в состоянии сам вести машину, не стоит на меня тратить время.

– До свидания, святой отец. Большое спасибо, вы нам очень помогли, – встал из-за стола Гарсиа, прощаясь со священником.

Генерал Кларк лишь слегка кивнул головой, но в глазах его появился какой-то странный блеск – отражение внезапно пришедшей мысли.

Глава 9

Российская Федерация. Чукотка. Анадырь

Наконец-то в городе было объявлено чрезвычайное положение. Анадырь был закрыт на жесточайший карантин.

Приостановлена работа рынков, магазинов, в школах прекращены занятия. Не работали рестораны, дискотеки, казино и другие увеселительные заведения. Местный бизнес терпел серьезные убытки, но не возмущался – неизвестной болезни боялись все.

Порт был закрыт, суда не приходили и не уходили.

Аэропорт работал только на прием самолетов с московскими специалистами.

На всех въездах в город стояли милицейские патрули, никого не впускаявшие и никого не выпускавшие, хотя въехать в город желающих не было, а вот выехать... находились.

Город был в осаде. По радио и местному телевидению периодически передавали обращения властей к жителям с просьбой не покидать свои жилища без крайней необходимости. Но жители, раньше властей понявшие серьезность создавшегося положения, уже давно не покидали своих домов и квартир. Запасшись провизией, в основном консервами, водкой и сигаретами, сидели у телевизоров и со страхом ожидали своей очереди.

В радио – и телесообщениях были лишь предостережения

и никакой информации о том, как избежать заражения, а раз нет информации, ее заменяют слухи.

Слухи плодились массово, один нелепее другого. Местные АТС не выдерживали нагрузки, разнося эти нелепицы по городу, ведь общались жители теперь в основном по телефону.

Некоторые из слухов были далеко не безобидны.

Кто-то предположил, что вероятность заболеть страшным недугом существенно снижается, если употреблять алкоголь, и, надо сказать, это предположение было не совсем безосновательно, хотя к самому факту заражения не имело ни малейшего отношения.

Основанием для этого слуха послужило то, что заболевшие пьяницы, сразу не обратившиеся к врачам, а продолжавшие по привычке пить дальше, выдерживали вместо обычных шести, от силы семи дней по несколько недель, потом, правда, все равно умирали. Но болезнь как бы тормозила в их отравленных этиловым спиртом организмах. Это-то и породило мнение, будто с помощью водки можно как-то защититься от болезни. Водку стали давать даже детям, и в больницу стали поступать пациенты с алкогольным отравлением, в ход шла не только водка, но различные суррогаты.

Другим народным средством был уксус. Кто-то где-то вычитал, что в давние времена, во время эпидемий чумы, косившей целые страны, использовались тряпичные повязки, пропитанные уксусом. Сказано – сделано, в ход пошел уксус,

вещь дешевая, и потому его не жалели, как известно, кашу маслом не испортишь. И в больницу стали поступать больные с химическими ожогами дыхательных путей и пищеводов.

И без того переполненные больницы пополнялись все новыми и новыми пациентами – жертвами уже не самой болезни, а самопрофилактики.

Обеспокоенные власти и медики с помощью радио и телевидения наперебой убеждали жителей не применять средств самолечения, но было уже поздно, в ход пошло излюбленное народное средство – керосин, до этого его применяли только от вшей и от ангины, им смазывали железы. Теперь керосин был редкостью, и его, недолго думая, заменяли бензином. Куриный помет, настоянный на самогоне, перекись водорода, марганцовка, да мало ли еще чего...

Отсутствие информации, недоговоренность, искусственное сокрытие фактов порождают порой такие слухи и домыслы, которые приносят вред гораздо больший, чем причина, их породившая.

Случилась как-то совершенно незначительная авария на Балаковской АЭС, что в Саратовской области, даже не авария, так, тьфу, водопровод прорвало с обычной водой, не радиоактивной. Через несколько часов досужие журналисты по центральным каналам телевидения раззвонили об этом на всю страну. Ну, журналисты-то ладно, что с них взять, они никогда не утруждали себя изучением сути дела и техниче-

скими деталями. Грамотный, знающий, о чем пишет, журналист теперь большая редкость. Но тут ведь еще какой-то дурак, а иначе его и назвать-то нельзя, уже из специалистов, заявил, что радиоактивное облако покрывает Пензенскую, Самарскую и еще ряд областей, не считая Саратовской.

Одновременно с этим возник слух, неизвестно откуда взявшийся, что йод снижает действие радиации.

За несколько часов в «обреченных» областях смели с прилавков аптек все йодсодержащие препараты, и, как следствие, в больницы стали поступать пациенты с сильным отравлением йодом. А протекавшую водопроводную трубу на АЭС на следующий день заменили.

Возмущенные депутаты многочисленных дум брызгали слюной с экранов телевизоров, возмущались произошедшим, клялись-божились найти и наказать виновных.

Вместе с ними возмущались и журналисты. Через пару дней все, как всегда, утихло, а больные продолжали лечиться от отравления.

Что-то подобное происходило сейчас и в несчастном Анадыре.

Но как бы то ни было, жесткие меры принесли определенные результаты, эпидемия была локализована, и темпы заражения немного снизились.

Больницы города наводнили московские вирусологи, ходившие по палатам в белых балахонах и респираторах. С собой они привезли современное оборудование, медикаменты.

Производились сотни анализов и проб, но сколько-нибудь значительных успехов достигнуто пока не было.

* * *

Вдовин лежал в своем кабинете на кушетке, задумчиво глядя в белый потрескавшийся потолок. Болезнь не пощадила и его. Рядом с ним сидел его коллега и верный друг Николай Осеткин.

Виктор Павлович заболел два дня назад, и сейчас болезнь была как раз в той стадии, когда температура спадает и больной чувствует себя значительно лучше, появляется надежда. Но Вдовин понимал, что это не выздоровление, а начало конца, поэтому никаких иллюзий не питал.

– Да, Коля, так и пролетела жизнь, как-то второпях, в суматохе. Все время думал, что вот разберусь немного с проблемами, а уж потом... А потом новые проблемы... Видно, этого «потом» просто не бывает. Помнишь Лешу Брагина?

– Помню, конечно. А что это ты вдруг про него?

– Прохожу я как-то по двору, снег уже выпал, холодно, сыро, а он лежит под машиной, был у него старенький джип «Труппер», и глушитель снимает. А глушитель – дырка на дырке, весь гнилой, если варить – цеплять не к чему. Я ему говорю: «Леш, ты б купил новый, что ж ты мучаешься?» А он мне: «Да ладно, этот подварю, зиму доезжу, а весной я его весь перетрясу: и ходовую, и выхлопную вкруг поменяю.

Тогда уж и буду ездить как человек, а пока не до этого».

– Ну и что?

– Через полтора месяца он умер. Опухоль мозга. Так и не поездил как человек.

– Вить, ты эти мысли брось... – начал было Николай Николаевич.

– Эх, Коля! Как же я их брошу? Самое им время. Я ведь сейчас стою, вернее, лежу, встать-то теперь мне уже не придется, – на пороге вечности.

Николай промолчал, он не знал, что сказать.

– Если хочешь насмешить бога – расскажи ему о своих планах, – немного помолчав, изрек Виктор Павлович. – Вот я к чему, Коля. Ведь у меня тоже были планы, мечты, может быть, и убогие, но все же. Слушай, а как ты думаешь? ТАМ что-то есть? Хотя что я у тебя спрашиваю, через несколько дней сам все узнаю.

– Вить, а может быть, они что-то придумают? – Он мотнул головой в сторону коридора, откуда доносились нестихающие шаги, слышались голоса, московские вирусологи работали не покладая рук. – Видишь, как взялись.

– Да ладно тебе, Коля! Мы же с тобой умные люди, к тому же врачи, специалисты. Зачем себя тешить напрасными надеждами? Ты же знаешь, сколько обычно уходит времени на получение вакцины и сколько его у меня. А тут еще случай особый. Кстати, ты не знаешь, они хоть как-то продвинулись?

– Да я бы не сказал, хотя они нам много не говорят, запрещено. У нас в больнице сейчас представителей спецслужб больше, чем врачей, они всем заправляют.

– Фээсбэшники?

– Да кто их разберет! Наверное, не только фээсбэшники, ругаются между собой. Но кое-какие новости есть. – Николай хитро улыбнулся, глядя на друга, и его и без того узкие глаза совсем исчезли с круглого лица.

– Ну, говори! Не тяни.

– В нейрохирургии москвичам помещение выделили, у них там и лаборатория, и зал совещаний. Аппаратуры они понавезли!.. Видимо-невидимо. А убирается там Раиса Ефимовна, она на полставки там.

– Что? Раиса Ефимовна полы моет?! – Виктор Павлович аж привстал от возмущения.

– Ну, а что ей остается делать? У нее в этом году у дочери еще один ребенок родился, а какая у терапевта зарплата, ты сам знаешь. Вот она и подрядилась.

– Твою мать! Ну что это за страна, где заслуженный врач, чтобы не умереть с голоду, должен говно убирать в собственной же больнице?!

– Ладно, Витя, ладно. Ты как будто впервые это слышишь!

– Про Раису Ефимовну – впервые.

– А про других? Да ладно, что там говорить! Так вот, слушай!

– Ну?

– Сегодня утром она мыла там полы и слышала разговор. Они ведь ее воспринимают как нянечку, что она может понимать? Вирус этот, Витя, искусственный, выращенный в лабораторных условиях! Они это выяснили.

– Ты знаешь, Коль, мне это тоже пришло в голову, еще тогда, когда ты обратил внимание, что заболевают только белые. Ну, помнишь, нам еще тогда не дали договорить, Константин Геннадьевич вошел. Так его звали, я не ошибаюсь?

– Да, так. Так вот, Витя, если есть искусственный вирус, то есть и вакцина против него. По-другому просто быть не может!

– Слушай, а ты ведь прав! – В глазах Вдовина на какой-то миг вспыхнул огонек надежды, но тут же снова погас. – Только где та лаборатория?

– Да, это вопрос! – задумчиво проговорил Николай Николаевич. – Давай-ка, Витенька, бульончику выпьем.

– К черту бульончик, Коля! Давай-ка просто выпьем.

– Что так вдруг?

– Есть повод, Николаич! – Глаза Вдовина вновь оживились, он зашевелился, пытаясь приподняться, но поясничная боль раскаленным обручем обожгла нижнюю часть спины. – О, черт!

Николай подложил ему под голову еще одну подушку, налил «по пятьдесят» и, протягивая стакан другу, спросил:

– Ты что-то придумал?

– Скорее предположил. Ну, давай, – Вдовин слабой рукой

поднял стакан. – Ей-ей, Коля, а чокнуться, это еще не поминки. Подожди пару дней.

Чокнувшись пластиковыми стаканчиками, они выпили, Виктор с трудом проглотил протянутый ему в качестве закуски кусочек колбасы и, немного подумав, сказал:

– Я, Коля, собрал кое-какие факты, по времени совпадавшие с началом этой проклятой эпидемии. И вот что мне пришло в голову. Первые случаи заболевания появились после прихода в порт либерийского сухогруза. После него в нашем порту не швартовался никто. Помнишь, что он привез?

– Какие-то южные фрукты... – неуверенно ответил Николай Николаевич.

– Правильно, Коля! Тропические фрукты с Филиппин. Капитан очень спешил, договорился с кем надо, и его поставили под разгрузку без досмотра и санитарного контроля, хотя бумаги все подписаны. Надо выяснить, где этот сухогруз, куда он ушел. Эх, как же я раньше не догадался!

– А что его искать, он в порту, не успел уйти. У них случилась какая-то мелкая поломка, а сейчас карантин объявили. Отшвартовывался только дальневосточный сухогруз «Капитан Сергиевский»... Черт меня побери! – Обычно спокойный якут вскочил так, что стул упал на пол.

– Ты чего, Николаич?!

– Приморье, Витя, Приморье! Ай, дурак я, дурак!

– Да ты толком можешь объяснить, что случилось? Самокритичный ты мой!

– «Капитан Сергиевский» ушел во Владивосток!

– Ну и что?! – никак не мог понять возбуждения Николая Виктор Павлович.

– Я случайно слышал, что в Приморье началось то же самое. Но они это пока скрывают, – показал на дверь Николай Николаевич.

– Так, Николаич! Этот, как его... Константин Геннадьевич, здесь?

– Да похоже.

– Давай, найди его и тащи сюда, он вроде мужик порядочный, хоть и служит черте-те знает где.

– Попробую, – встал якут.

– Давай, Коля, давай. Нужно ему все срочно рассказать! – В глазах Виктора Павловича теперь был не слабый огонек надежды, а пылал пожар, он напал на след.

Вдовин в этот момент испытывал чувство, сходное с чувством приговоренного к повешению человека, которого в последнюю секунду, когда палач уже готов выбить опору из-под его ног, вдруг вытаскивают из петли. Он, конечно, понимал, что петля все еще продолжает оставаться у него на шее, но уже здорово ослабла.

Глава 10

Филиппины. Остров Минданао. Окрестности Котабато

Отец Антонио прямо из полиции направился в городскую больницу, он решил не терять времени и не заезжать домой для того, чтобы надеть сутану, а все необходимые принадлежности для проведения обряда у него были с собой в небольшом черном саквояже. Последние дни в Котабато случилось много смертей, и саквояж был всегда при нем, в машине.

– Как он? – спросил священник у врача, когда тот проводил его к палате умирающего.

– Сейчас в сознании, но в любой момент... У него прострелено левое легкое, плеврит... И самое главное, задеты печень, кишечник... Мы ничего сделать не смогли. Организм молодой, крепкий... Это чудо, что он еще жив.

– Как его имя?

– Альберт Гольдберг, научный сотрудник института, на который было совершено нападение, всего двадцать шесть лет...

Священник и доктор вошли в палату, возле больного сидел мальчишка-китаец лет пятнадцати.

– Подрабатывает санитаром. В последние дни не хватает рабочих рук. Очень много больных, – извиняющимся тоном объяснил врач присутствие мальчика.

– Оставьте нас, – попросил отец Антонио, распаковывая свой саквояж.

– Да-да, конечно. Пойдем, Чен.

Как только закрылась дверь за вышедшими и священник присел у кровати больного на стул, который освободил мальчишка, Альберт вцепился горячими пальцами в его руку. Он попытался что-то сказать, но вместо слов раздался хриплый, булькающий кашель, в уголках рта выступила кровь.

– Не спешите, сын мой, – успокаивающе проговорил Антонио, вытирая салфеткой кровь с лица Альберта.

Кашель, наконец, утих, больной отдышался и начал говорить слабым голосом, временами замолкая, пережидая новый приступ кашля. Каждое слово ему давалось с трудом, на лице выступили крупные капли пота. Вокруг глаз и рта залегла желтизна с каким-то зеленоватым отливом, признак поврежденной печени.

– Святой отец, на мне тяжкий грех... Работа в этом проклятом институте...

– Что, работа в институте? – не поняв, переспросил священник.

– Это и есть мой... самый... страшный грех, святой отец... – Слабый голос умирающего переходил на шепот, временами смолкал, Антонио придвинулся почти вплотную, стараясь разобрать слова.

Из сбивчивого, невнятного рассказа Антонио понял, что Альберт считает свою работу тяжким грехом, совершен-

ным им из корысти и гордыни. Институт занимался наряду с обычными микробиологическими исследованиями еще и разработкой бактериологического оружия, какого именно, священник не смог понять.

Альберт все говорил и говорил, священник, наклоняясь к нему, пытался понять каждое слово или хотя бы запомнить, многих научных терминов он просто не понимал, но память у него была прекрасная.

Умиравший замолк, тяжело дыша, силы его покидали, Антонио молча ждал, понимая, что это последние минуты раненого на этой грешной земле.

– Святой отец, в моем доме, – наконец, опять заговорил Альберт, – он рядом с институтом... коттедж с голубой крышей... есть тайник... мой детский тайник...

Антонио изо всех сил напрягал слух, пытаясь расслышать объяснение, как найти этот тайник, и, как ему показалось, понял.

– Так вот... там пластиковый контейнер... в нем два... – Альберт опять зашелся в мучительном кашле.

– В нем два металлических сосуда... в одном – вирус, в другом – вакцина, она... лекарство... Ради всего святого, уничтожьте это, прошу вас... Там еще портфель, в нем диски и документы... Сожгите, сожгите их... Я скажу, как... как уничтожить сосуд с вирусом... Нужно...

Но больше он не произнес ни слова, глаза его закатились, пальцы вцепились в простыню, как будто он хватался за нее,

стараясь не провалиться в небытие, из груди вырвался то ли стон, то ли вздох. Если это был вздох, то он был последним в короткой жизни Альберта Гольдберга...

* * *

Отец Антонио, выйдя из больницы, сел за руль своей машины и задумался. Первым позывом у него было сразу же поехать к дому Альберта, отыскать тайник и забрать страшное оружие: не дай бог его кто-то найдет раньше! Скорее всего, нападение на институт было обусловлено именно существованием этого оружия, его-то и искали бандиты на развалинах. Вот именно, они искали его и не нашли! А возможно, не одни они.

Сев за руль и немного поразмыслив, он понял, что по воле случая и свойству своей профессии стал обладателем крайне опасной информации.

Наверняка бандиты не успокоились и тоже продолжают искать этот пластиковый контейнер. Один ли Альберт знал о его существовании? Маловероятно, в работе принимали участие многие сотрудники, и наверняка многие знали, что Гольдберг едет в командировку в Вашингтон и что материалы находятся у него. Но только один Альберт знал, где находится этот контейнер. Теперь знает и он, вернее, только он. Рано или поздно, но бандиты выяснят про Альберта. А если уже выяснили? Тогда за домом уже установлено наблюдение,

значит, идти туда нельзя, но идти необходимо. И тянуть с этим нельзя, если они выйдут или вышли на Альберта, упокой Господь его душу, то обязательно выйдут и на меня. Наверняка они догадаются, что на исповеди он мне все расскажет.

Стоп!

А генерал! Ведь материалы должен был получить он! К нему направлялся Альберт. Выходит, он все знает, не может не знать. И ему тоже нужен этот контейнер. Выходит, он бандит похлеще этих китайцев, но во много раз опаснее.

Стоп, еще раз!

Генерал уже знает, кого я исповедовал! Наверняка уже выяснил. И он вполне мог знать, что именно Гольдберг должен был везти ему материалы.

Следовательно, основная опасность исходит от генерала.

Вот кого следует опасаться прежде всего. Но как он связан с полицией? Неужели и Гарсиа на его стороне? Нет! Не может быть! Гарсиа честный человек, искренне верующий, а христианин не может на такое пойти. Наверняка его используют вслепую. И поговорить я с ним не могу, тайна исповеди. Хорошо, я не могу оглашать содержание исповеди, но могу же я поделиться с ним, и не только с ним, той информацией, которая оказалась у меня в руках? Но ведь эта информация, возможно, окажется у него в руках опять благодаря исповеди.

Перед священником стояла неразрешимая дилемма, ти-

пичная для священника. В любом случае он совершает грех.

– Ну, что ж, из двух зол нужно выбрать меньшее, – прошептал отец Антонио, заводя двигатель.

Что именно он имел в виду под меньшим злом?

Глава 11

Филиппины. Манила – Давао – Котабатто

Самолет приземлился в международном аэропорту Манилы «Нино Акино», от которого до столицы было всего километров двенадцать на север. Полчаса езды на такси. Но в самую Манилу Алекс не собирался, красоты филиппинской столицы его в данный момент мало занимали.

Не выходя из аэропорта, Алекс купил билет на самолет одной из многочисленных местных авиакомпаний «Mindanao Express», который должен был его доставить в город Давао, находящийся на восточном побережье острова Минданао. Самолет отправлялся буквально через сорок минут, и Алекс едва успел заказать аренду автомобиля в Давао – чтобы попасть в Котабатто, ему нужно было пересечь остров с востока на запад.

Через два с небольшим часа Алекс уже сошел с трапа самолета в аэропорту Давао. Фирма, в которой он заказывал аренду автомобиля, находилась буквально в нескольких десятках метров от здания аэропорта. Но прежде чем идти в нее, он решил перекусить в одном из кафе. Не рискуя испытывать перед дальней дорогой своеобразие местной кухни, а ему предстояло преодолеть расстояние около двухсот километров, причем по неизвестной дороге в джунглях, он заказал два хот-дога и пепси.

Хот-доги оказались не совсем тем, что он ожидал, в булке лежали не сосиски, а жареные острые колбаски, толще и длиннее обычной сосиски, да еще добавлено много разной зелени – какой именно, он так и не смог определить. Вкус был необычный, но приятный. Запив все это пепси, он отправился выбирать автомобиль.

Улыбающийся менеджер сначала предложил ему старей-престарый «Виллис», пытаясь убедить его, что для путешествия по джунглям это самая подходящая машина. Алекс отказался наотрез от дедушки «Ренглера» и «Чероки» и заинтересовался «Фордом», казавшимся относительно свежим.

Филиппинец заверил его, что и «Форд» – машина неплохая и находится в полном порядке.

Алекс осмотрел автомобиль, завел двигатель, проверил, работает ли кондиционер, именно из-за него он и остановился на «Форде». Осмотр удовлетворил его, и они пошли в контору оформлять документы. Тут-то и случилась заминка, оказалось, что, не имея национального филиппинского водительского удостоверения, не было никакой возможности арендовать автомобиль.

Алекс долго слушал сожаления и извинения менеджера по этому поводу, потом достал банкноту в сто долларов, завернул в нее свое удостоверение, выданное ему в штате Вирджиния, и, улыбаясь, спросил у филиппинца:

– А вот так больше похоже на филиппинское?

– Не отличить! – согласился менеджер и изящным жестом фокусника смахнул банкноту в конторку.

То проворство, с которым улыбочивый парень смахнул деньги со стола, убедило Алекса в том, что он здорово переплатил, хватило бы и пятидесяти, а то и двадцати долларов для того, чтобы его вирджинское водительское удостоверение превратилось в филиппинское.

К оформлению документов теперь не было никаких препятствий, и через несколько минут Алекс без особого сожаления расстался с улыбочивым, но слишком меркантильным филиппинцем.

В бардачке джипа оказалась затертая, но довольно подробная карта Минданао с указанием дорог, заправок, мотелей, автосервисов, не говоря уже о населенных пунктах.

Судя по карте, ему следовало ехать на юг, затем в районе города Дигос свернуть направо, на запад, и дальше никуда не отклоняться от обозначенной на карте автострады. Был еще один вариант, более короткий: съехать с дороги еще в Санта-Крузе и проехать по склону горы Апо, местной знаменитости, действующего вулкана высотой почти в три километра. В этом случае он сэкономил бы километров пятьдесят-семьдесят, но пришлось бы пересекать по проселочной дороге множество бурных рек, катящихся со склонов Апо. Неизвестно, были ли на этой дороге мосты и если были, то какие? Алекс решил не рисковать и выбрал более длинный путь, но, если верить карте, более комфортный или уж, во

всяком случае, более безопасный.

Дорога в точности повторяла изгиб береговой линии.

Пейзаж был изумительный: слева синий океан, серебрившийся в лучах яркого южного солнца, отделенный от суши узкой, ослепительно белой полоской пляжа, справа плавно поднимался вверх зеленый массив склона вулкана Апо. Вершину его прикрывали редкие легкие облачка.

Когда Алексу надоело любоваться филиппинскими красотами, он нажал на газ, но как только стрелка спидометра достигла отметки сто двадцать километров, руль дико затрясся в его руках. Он сбросил скорость – тряска прекратилась, вновь нажал на газ, и опять на скорости в сто двадцать руль стал выпрыгивать из рук. На этот раз Алекс продолжал набирать скорость, и где-то в районе ста тридцати пяти километров тряска перешла в мелкую вибрацию, что тоже было не очень приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.